

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1816^й ГОДЪ.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

Мѣсяцъ Октябрь.

Планъ сего Журнала.

I. Науки и искусства;

Въ семь отдѣленій помѣщаемы будутъ статьи собственно до наукъ и искусствъ касающіяся: разсужденія, рѣчи, историческіе отрывки и п. т.

II. Живописная проза;

Её составляють будутъ карпінныя мѣсяца изъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, въ подлинникахъ и переводѣ.

III. Дѣтское чтеніе;

Повѣсти, нравственные черты, анекдоты.

IV. Стихотворенія;

Оды, посланія, пѣсни и другіе роды стиховъ — по выбору.

V. Харьковскія записки;

Статьи касательно Университета, Ученого, Филотехническаго, Благотворительнаго и Библейскаго Обществъ; замѣчанія о театрѣ и пр.

VI. Смѣсь;

Сюда будетъ относиться также Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ, краткія рецензіи, извѣстія о несчастныхъ и разныхъ увѣдомленія.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1665(26)

К
ЗВ

на

1816^й ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мѣсяцъ Октябрь.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи,

1816.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшего сѣ сочиненіе Профессора Ивана
Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ
съ тѣмъ, — чтобы по напечатаніи, до вы-
пуска въ Публику, представлены были въ
Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
для Цензурнаго Комитета, два для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Биб-
ліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Октября 7 дня 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ОКТЯБРЬ.

І. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Объ Исторіи.

І. Сущность Исторіи.

Исторія есть повѣствованіе произшествій, принятыхъ за истинныя; — въ противуположность басни, которая есть повѣствованіе произшествій — принятыхъ за ложныя.

Въ *Исторіи* находятся мнѣнія или догадки; и они почти всѣ суть не что иное, какъ собраніе заблужденій человѣческихъ. *Исторія* художествъ можетъ быть полезнѣйшею другихъ, когда соединяетъ въ себѣ познаніе объ изобрѣшеніи художествъ и описаніе ихъ механизма. *Естественная Исторія* не правильно называется *Исторіею*: поелику она есть существенная часть Физики.

Исторія происшествій раздѣляется на Священную и Гражданскую. *Исторія* Священная есть послѣдствіе твореній Божескихъ и чудесъ Его, которыми угодно Ему было изкони пушеводити Еврейскій народъ, — а въ настоящія времена управлять наше вѣрованіе. Я не касаюсь сего священнаго предмѣта.

Первыя основанія всякой *исторіи* суть — повѣствованія отцовъ дѣшамъ ихъ, въ послѣдствіи переданныя отъ одного поколѣнія другому. Сіи повѣствованія бывають достовѣрны только въ своемъ началѣ; но со всякимъ вновь поколѣніемъ утрачивають великую степень вѣроятія. Со временемъ же возникаетъ баснословіе, истинна исчезаетъ; а отъ того и происходитъ, что всѣ начала народовъ бывають невѣроятны: отъ того — Египтяне были управляемы богами въ продолженіе многихъ вѣковъ, пошомъ полу-богами, — и наконецъ имѣли своихъ царей въ печеніи одиннадцати тысячъ прехъ сошъ сорока лѣтъ; и отъ того-то въ сіе время солнце перемѣнило четьре раза свой востокъ и западъ! . . .

Финикійяне полагаѣли начало своего существованія почти за тридцать тысячъ лѣтъ; а сѣи тридцать тысячъ лѣтъ наполнены были великимъ же числомъ чудесъ, сколько и самая хронологія Египтянь. Въ древней *Исторіи* Грековъ владычествуетъ такая же дивная странность. Римляне, сколь ни были важны по существу характера своего, однакожъ и они свою *Исторію* одѣли баснословіемъ въ первыхъ вѣкахъ. Народъ сей столько новый, въ сравненіи съ Азіатскими народами, находился пять сотъ лѣтъ безъ Историковъ; потому и неудивительно: что Ромуль былъ почитаемъ сыномъ Марса, что волчица была его кормилицею, что онъ съ двадцатью пятью тысячами чело-вѣкъ выступилъ изъ селенія своего Рима, прошивъ двадцати же пяти тысячъ ратующихъ изъ селенія Сабинянь, что въ послѣдствіи содѣялся богомъ; что Тарквиній старшій разрѣзалъ камень бритвою; и что Весталка пригласила корабль къ берегу однимъ только своимъ поясомъ.

Первыя лѣтописи всѣхъ новѣйшихъ народовъ нашихъ не менѣе баснословны;

ужасныя и невѣроятныя произшествія не иначе должны быть повѣспвуемы, какъ въ доказательство челоѣческаго легковѣрїя: поелику они входятъ только въ *Исторїю нашихъ мнѣній или догадокъ*.

Къ достовѣрному познанію чего нѣсть о древней *Исторїи* мы имѣемъ одинъ только способъ: изыскашь, находятся ли какіе нибудь несомнѣнные о томъ памяшники? — Таковыхъ памяшниковъ, письменами преданныхъ, имѣемъ только три.

Первое изъ нихъ естъ — Собраніе астрономическихъ наблюденій, въ печеніи тысячи девяти сотъ лѣтъ непрерывно производившихся въ Вавилонѣ и присланныхъ Александру въ Грецію; ими руководствовался Птоломей въ своемъ Альгаместѣ (*). Сіе послѣдствіе наб-

(*) Альгаместъ естъ болыше сочиненіе (сoppositio magna), — естъ реєстръ неподвижныхъ звѣздъ, сочиненный по наблюденіямъ Птоломея — славнаго Целузскаго Математика около спа припадши осмага года по Рождествѣ Христовѣ. Въ реєстрѣ сѣмъ считається до 1022 звѣздъ, коихъ и долгота и широта опредѣлены. Сочиненіе сѣ въ чрезвычайномъ уваженіи, по причинѣ доказатель-

люденій, возходящее до двухъ тысячъ спя шридцапи чепырехъ лѣтъ прежде Рождества Христова, неоспоримо доказываетъ: что Вавилоняне существовали совокупно и цѣлымъ народомъ многіе вѣки прежде сего; поелику и художества суть нечто иное, какъ твореніе времени и поелику свойственная людямъ лѣность оставляетъ ихъ многія тысячи лѣтъ безъ всякихъ познаній и безъ всякихъ другихъ дарованій, кромѣ тѣхъ, — которыя нужны для ихъ питанія, защищенія отъ воздушныхъ непогодъ и убійства себѣ подобныхъ. Пусть судятъ о томъ по Германцамъ и Англичанамъ, бывшимъ во времена Цесаря; пусть судятъ о томъ по нынѣшнимъ Тапарамъ, по цѣлой половинѣ Африки и по всѣмъ народамъ нами обрѣтеннымъ въ Америкѣ, — исключая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Королевства Перуанское, Мексиканское и Республику Тласкальскую.

ства о движеніи звѣздъ неподвижныхъ на центрѣ Еклиптики, — которое Птоломей въ ономъ объявилъ. Прич. Пер.

Второй памятникъ есть — центральное затмѣнїе солнца, изчисленное въ Кипаѣ за двѣ тысячи сто пятьдесятъ пять лѣтъ до Христїанскаго лѣтосчисленїя и признанное справедливымъ отъ нашихъ Астрономовъ. О Китайцахъ можно сказать поже самое, что и о народахъ Вавилонскихъ: они безъ сомнѣнїя составляли уже тогда пространное и образованное государство. Но что Китайцовъ поставляетъ превыше всѣхъ другихъ народовъ, такъ это есть то, — что ни законы ихъ, ни нравы, ни пошъ языкъ — которымъ говорятъ ихъ ученые — въ теченїи чешырехъ тысячъ лѣтъ не измѣнились. Впрочемъ народъ сей древнѣйшій всѣхъ племянъ нынѣ существующихъ, народъ — обладающій пространнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ мѣстоположенїемъ, народъ — изобрѣтшій почти всѣ художества прежде нежели мы о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣли какое либо понятїе, — со всемъ тѣмъ народъ сей всегда былъ до сего времени пропускаемъ въ мнимыхъ нашихъ *Всемирныхъ Исторїяхъ*. И когда Гишпанецъ или Французъ

дѣлалъ изчиленіе народовъ; но ни пошъ
ни другой не упускалъ называть опечесива
своего *первымъ Государствомъ въ мірѣ.*

Третій памятникъ, ощутительно
низшій двухъ предыдущихъ, заключаеш-
ся въ мраморахъ или дскахъ Аронделя. (*)
Аеинское лѣтосчисленіе было на нихъ
начертано за двѣсти шестьдесятъ три
года до Р. Х.; но лѣтосчисленіе сіе во-
зходитъ не далѣе Кекронса, то есть до
тысячи трехъ сотъ девяноста лѣтъ
прежде того времени, въ которомъ было

(*) Аронделевы дски найдены были знаменитымъ
Французомъ Пейрескомъ на оспровѣ Паросѣ
въ началѣ XVIII вѣка; а пошомъ достались
Англичанину Графу Аронделю, который по-
ручилъ оныя изысканію и трудамъ славнаго Сель-
дека. Сей сочинилъ и издалъ о дскахъ сихъ
самополезнѣйшія и такія изысканія, — что всю-
ду и единогласно ихъ признали прекраснѣйшимъ
памятникомъ хронологіи, какого желать только
можно о древностяхъ Греціи. Нѣкоторые ошлом-
ки сихъ мраморныхъ досокъ утрапились при
возмущеніяхъ царствованія Карла I; что же
оспалось въ цѣлости, то находится нынѣ меж-
ду драгоценностями Оксфордской Библіотеки. —
Прим. Перев.

начертано. Вотъ существенныя и несомнѣнныя познанія о всей древней *Исторіи*, какія только мы нынѣ имѣемъ! —

Не удивительно, что нѣтъ древней *Гражданской Исторіи* — возходящей далѣе трехъ тысячъ лѣтъ или около того: измѣненіе земнаго шара, долгое и повсемѣстное невѣжество въ томъ искусствѣ — которое посредствомъ письма передаетъ происшествія — были тому причиною. Есть еще и нынѣ многіе народы, кои не имѣютъ ни какого употребленія сего искусства. Оно долго находилось только у нѣкоторыхъ народовъ образованныхъ; и то между весьма малымъ количествомъ людей! У Французовъ и Германцевъ до XIV и XV вѣковъ ничто не было столь рѣдко, какъ умѣть писать: тогда почти всѣ акты судебныя подтверждались только одними свидѣтелями. Во Франціи уже при Карлѣ VII въ 1454 году привели въ порядокъ, посредствомъ письма, обыкновенія и права Французскія. Искусство писать было еще рѣже между Гишпанцами; — откуда происходитъ, что *Исторія* ихъ столь суха

и столь неизвѣстна даже до времени Фердинанда и Изабеллы. А изъ сего видно: сколь малое число людей, умѣющихъ писать, въ состоянїи были тогда вводитьъ прочихъ въ заблужденіе!

Есть и такіе народы, которые покоряли уже не одну часть земли себѣ; а употребленія писмянъ еще не имѣли: извѣстно намъ, что Чингисъ-Ханъ завоевалъ часть Азіи въ началѣ XIII вѣка; однакожь ни посредствомъ его, ни посредствомъ Тамаръ мы о томъ не свѣдомы. *Исторія* ихъ — писанная Кишайцами и переведенная опцемъ Гобилемъ — свидѣтельствуешь, что Тамары сїи не имѣли искусства писать. Искусство писать столь же мало извѣстно было Скиеу Огусъ-Хану — названному *Мадіесъ* отъ Персіянъ и Грековъ, который завоевалъ часть Европы и Азіи еще за долго до царствованія Кира.

Есть и инаго рода памятники, которые служатъ доказательствомъ отдаленнѣйшей древности нѣкоторыхъ народовъ — предшествовавшихъ всѣмъ извѣстнымъ эпохамъ и всѣмъ писаннымъ кни-

гамъ: памятники сїи суть чудеса зодчества какъ то, Пирамиды и дворцы Египетскіе, противуставшіе разрушенію самаго времени. Геродотъ, за двѣ тысячи двѣстѣ лѣтъ до сего времени жившій, самъ видѣлъ ихъ; но не могъ узнать отъ Египетскихъ жрецовъ о томъ, когда они были воздвигнуты.

Не возможно менѣе четырехъ тысячъ лѣтъ приписать древнѣйшей изъ сихъ Пирамидъ. Но при томъ еще должно сообразить, — что сїи усилія гордости царей не могли имѣть начала своего иначе, какъ за весьма долгое время прежде созиданія самыхъ городовъ. Чтобы созидать города въ такой странѣ, которая наводнялась ежегодно, то сперва необходимо было возвысить самую почву изъ наноснаго ила состоящую и содѣлать оную неподвергаемою наводненіямъ. Надлежало, прежде употребленія сего нужнѣйшаго средства и прежде нежели пуститься на столь великіе труды, чтобы народы приготовили себѣ убѣжище между утесовъ горъ — составляющихъ два хребта по правую и лѣвую сторону

Нила, во время возвышенія водъ рѣки сей. Надлежало что бы соединенные народы сїи имѣли уже орудія для хлѣбопашества, для водчества; надлежало, — что бы имѣли уже достаточное познаніе о земледѣліи, законахъ, полицейскомъ устройствѣ; — а все сїе необходимо требуетъ чрезвычайнаго пространства времени. Посредствомъ неизчислимыхъ подробностей, которыя ежедневно замедляютъ самонужиѣйшія и самамалѣйшія предпріятія наши, — мы видимъ, сколь трудно исполнять великія намѣренія; мы видимъ такъ же, что къ достиженію того не только нужно имѣть терпеніе неутомимое, — но даже нужно и то, что бы многія поколѣнія одушевляемы были одинакимъ рвеніемъ къ совершенію своихъ намѣреній.

Со всемъ тѣмъ, — хотя бы и знали мы; что Менесъ, Фаутъ, Хеопсъ или Рамесесъ воздвигли одну или двѣ изъ сихъ чрезвычайныхъ громадъ камней, — со всемъ тѣмъ не больше отъ того мы будемъ свѣдуши въ *Исторіи* древняго Египта. Языкъ народа сего уже

потерянъ; итакъ мы ни чего больше не знаемъ, кромѣ что прежде самаго существованія древнихъ Историковъ было уже изъ чего составить *древнюю Исторію*.

Та *Исторія*, которую имянуемъ мы *древнею* и которая въ существѣ своемъ есть довольно новая, едва ли до трехъ тысячъ лѣтъ возходитъ: поелику до сего времени имѣемъ мы одни вѣроятности. Да и сїи вѣроятности сохранены намъ въ двухъ только гражданскихъ книгахъ: въ *Избранномъ Лѣтосчисленіи* и *Исторіи Геродотовой*. Древнія Избранныя Лѣтосчисленія относятся только къ Египту, ошдѣленному отъ всего прочаго мїра. Геродотъ больше и занимательнѣе для насъ упоминаетъ о землѣ тогда извѣстной; онъ, прочитывая десять книгъ своей *Исторіи*, очаровалъ Грековъ новостію сего предпріятія и прелестію своего слога, — наипаче же баснями къ оному примѣшанными. Все почти, сказанное имъ по словамъ чужеземцовъ, есть баснословно; но все, видѣнное имъ самимъ, описано справедливо. Отъ него узнаемъ мы на примѣръ: какое чрезмѣрное богатство

и какая пышность владычествовала въ малой Азіи, нынѣ толико бѣдной и мало населенной,—въ Дельфахъ онъ видѣлъ необычайные золотые дары отъ Царей Лидійскихъ шуда присланные. Прочитывая исторію свою Грекамъ онъ говорилъ слушателямъ такимъ, которыми Дельфы извѣстны были такъ же — какъ и ему самому. Какоежъ пространство времени должно протечь прежде, нежели Цари Лидійскіе могли накопить достаточное количество излишнихъ сокровищъ для принесенія толико чрезвычайныхъ даровъ храму чужестранному? — Но когда Геродотъ разсказываетъ басни — имъ слышанныя; тогда книга его есть нечто иное, какъ романъ — похожій на Милезійскія басни. Она дѣлается похожа на Кандаула — показывающаго другу Гигесу обнаженную жену свою, которая отъ оскорбленной стыдливости предлагаетъ Гигесу на выборъ: или убить мужа ея, или на ней жениться, или самому погибнуть. Она дѣлается похожа на то, какъ Оракулъ Дельфійскій угадываетъ, — что въ то время Крезъ, нахо-

дящійся за сто миль отсюда, заставляешь варить черепаху въ мѣдной посудинѣ. Роллень, повѣряя всѣ сказки таковаго рода, удивляется всезнанію Оракула и справедливости Аполлона, равно какъ и скромности супруги Царя Кандаула; — и при семъ случаѣ предлагаетъ онъ полиціи: возпрепятствовать тому, чтобы молодые люди обоего пола не купались въ рѣкахъ!! Время намъ столь дорого, а *Исторія* столь необъятна, — что необходимо должно избавлять читателей отъ таковыхъ басней и сего же рода нравоученій.

Исторія Кира вся обезображена баенословными преданіями. Весьма вѣроятно — что сей *Киро* Киромъ названный, предводительствуя воинственными народами Элами, въ самомъ дѣлѣ завоевалъ Вавилонъ ослабленный своими удовольствіями; но неизвѣстно по, какой Государь царствовалъ тогда въ Вавилонѣ? — Говорятъ иные, Валшазаръ; другіе утверждаютъ, Анабашъ. По Геродоту Киръ убитъ въ одномъ походѣ противъ Массагетовъ; Ксенофонтъ же въ своемъ нравоучитель-

номъ и политическомъ романѣ заставляють его умереть спокойно на своей постели.

Посреди таковой шемнопы въ *Исторіи* ничего намъ неизвѣстно, кромѣ того: что съ давнихъ временъ находились про-
спранныя Государства и бывали пираны;
что могущество сихъ основывалось на
всеобщемъ бѣдствіи; что тиранизмъ воз-
росъ до самаго безстыднаго безчеловѣчія

.....

что суевѣріе управляло людьми; что
сновидѣнія были принимаемы за предвѣ-
щанія небесъ; и что тѣ же самыя снови-
дѣнія весьма часто преклоняли на миръ и
на войну и проч.

По мѣрѣ того, какъ въ *Исторіи* Ге-
родотъ приближается къ своему времени,
находимъ мы его и болѣе свѣдущимъ и
болѣе справедливымъ. Но признаюсь дол-
жно, что настоящая *Исторія* для насъ
начинается только со времени предприя-
тія Персовъ противу Грековъ. Прежде
сихъ великихъ произшествій находимъ
только малозначущія повѣствованія,
или лучше пустыя сказки. Геродотъ

дѣлается образцемъ историковъ тогда, когда описываетъ онъ чрезвычайныя приготовления Ксеркса для покоренія Греціи а потомъ и всей Европы. Отъ Сузы до Афинъ онъ ведетъ Ксеркса, послѣдующаго двумя милліонами воиновъ. Онъ объявляетъ намъ, кто были тѣ столь различные народы — которыхъ Монархъ сей велъ за собою: отъ средоточія Аравіи и Египта даже за предѣлы Бактріаны, отъ сѣвернаго края Каспійскаго моря — страны тогда обитаемой народами могущественными — а нынѣ кочующими Ташарами, — ни одинъ изъ народовъ сихъ не остался у него въ забвеніи; всѣ племена отъ Босфора Фракійскаго даже до рѣки Гангеа находились подъ его знаменами. Съ удивленіемъ усматриваемъ мы, — что Ксерксъ обладалъ толикимъ же пространствомъ земель, каковое имѣла послѣ Римская Имперія; что подъ его властію находилось все принадлежащее нынѣ великому Моголу по ту сторону Гангеа: вся Персія, вся земля Узбековъ, вся Турецкая Имперія, — исключая Румелію, — но за то обладалъ онъ и

Аравією. Изъ пространства его владѣній видимъ: сколь не правы шѣ писатели въ стихахъ и прозѣ, кои называютъ Александра Великаго — мстителя за Грецію — безумнымъ за то, что онъ покорилъ царство неприязненное Грекамъ. Александръ былъ въ Египтѣ, Тирѣ и Индіи по обязанности ему тогда предлежавшей — и пошому что Тиръ, Египетъ и Индія принадлежали къ могуществу разорявшему нѣкогда Грецію.

Геродотъ имѣлъ равное достоинство Омиру: онъ былъ первымъ Историкомъ такъ же, какъ Омиръ первымъ эпическимъ Поэтомъ; оба они достигли красоты свойственныя искусству каждаго писателя, красоты до нихъ неизвѣстныя. Въ Геродотѣ удивительное представляется намъ изображеніе того: какъ Ксерксъ, владѣтель Азіи и Африки, проводитъ изъ Азіи въ Европу неизчислимое войско свое чрезъ мостъ изъ судовъ составленный; какъ покоряетъ Финикію, Македонію, Фессалію, вышнюю Ахайю, вступаетъ въ Аѣны, — оставляетъ и безлюдныя. Не возможно было ожидать, — чтобы Аѣняне, лишившись

уже своего города, не имѣя пристанища на сухомъ пути, укрывшіеся съ нѣкоторыми иными Греками на корабли свои, — могли прогнать многочисленный флотъ великаго Царя; чтобы могли они возвратиться въ отечество побѣдносцами; чтобы могли принудить Ксеркса послѣднимъ образомъ отвести назадъ остатки своего воинства; и чтобы потомъ, посредствомъ заключеннаго договора, могли ему запретить плаваніе на ихъ моряхъ. Это превосходство народа малочисленнаго — но великодушнаго и свободнаго, атомъ верхъ его надъ всею рабствующею Азіею есть, — можетъ статься славнѣйшее дѣло для человѣчества изъ всѣхъ случавшихся въ мірѣ!! Изъ сего происшествія познаемъ мы также и то, что западные народы всегда были лучшіе мореходцы, нежели народы Азіатскіе (*). При чтеніи новѣйшей *Исторіи*, Лепантская побѣда напоминаетъ о побѣдѣ Саламинской;

(*) Трудно въ атомъ погрѣшить Сочинителю; развѣ только включивъ въ число западныхъ народовъ и Малоазійцевъ, и Финикянъ, и Египтянъ! Брэмъ. Издаш. Ф.

и тогда сравниваемъ мы Донъ - Жуана и Колона съ Семистокломъ и Эврибиадомъ. Вотъ, можешь быть, единственный (*) плодъ, — который получить можемъ опытнознанія сихъ отдаленныхъ временъ! —

Оукишидъ, наслѣдникъ Геродота, ограничиваетъ себя описаніемъ только войны Пелопонесской. Сія страна не была одной провинціи во Франціи или Германіи; но произвела во всѣхъ родахъ людей, достойныхъ безмерной славы. Странно, — что какъ будто бы междоусобная война, жесочайшее изъ всѣхъ бѣдствій, вдыхала новый жаръ и раждала новыя усилія въ человѣческомъ разумѣ: — ибо во время Пелопонесской войны процвѣтали всѣ науки и художества въ Греціи. Подобнымъ средствомъ начали они усовершенствоваться въ Римѣ, среди междуусобныхъ браней при Кесарѣ, — и такимъ же образомъ возраждались въ XV и XVI столѣтіяхъ Христіанскаго

(*) А можешь быть и не единственный. Еслижъ единственный; то прибавить должно: и самый пустой! Примѣч. Издаш.

лѣтосчисленія, — между ополченіями въ Италіи!! — (*)

Послѣ сей Пелопонесской войны, Оукидидомъ описанной, настаетъ славное время Александра — Царя достойнаго воспитанника Аристотелева; Александра, основавшаго болѣе городовъ, нежели другіе оныхъ изпребили; Царя, который преобразовалъ торговлю вселенной. Во времена его и во времена его наслѣдниковъ процвѣталъ Карфагенъ; а Республика Римская только лишь начала обращать на себя взоры народовъ. Всѣ прочія страны оставались погруженными въ варварствѣ: — Кельты, Терманцы, всѣ Сѣверные народы были еще неизвѣстны.

Исторія Римской Имперіи наиболѣе заслуживаетъ наше вниманіе; поелику Римляне были властелинами и законодателями нашими. Законы ихъ еще и до нынѣ существуютъ въ силѣ своей у большей части Государствъ; языкъ ихъ еще во всеобщемъ употребленіи; и долгое время послѣ паденія имперіи сей языкъ

(*) Слѣдовательно, не справедлива мысль: *sonantibus armis silent Musae*? Примѣч. Издаш.

ея былъ единственнымъ языкомъ, на которомъ составлялись всѣ публичные акты въ Италіи, Германіи, Гишпаніи, Франціи, Англіи и Польшѣ.

По раздѣленіи Римской Имперіи на западъ является новый порядокъ вещей; и это составляетъ *исторію средняго времени*, — *исторію* варварскую народовъ варварскихъ, которые и по принятіи Христіанства ничѣмъ почти не улучшили себя.

Между тѣмъ, какъ Европа такимъ образомъ измѣнялась, въ XII вѣкѣ являющіяся Аравіяне — дополѣ заключавшіеся въ своихъ пустыняхъ. Они разпростираютъ свое могущество и владычество въ Азіи и Африкѣ; они покарываютъ Гишпанію. Турки имъ наследуютъ, — и въ половинѣ XV вѣка утверждаются царство свое въ Константинополѣ.

Только въ концѣ сего вѣка открывается новый свѣтъ; а вскорѣ послѣ того и полимика Европы, и художества принимаютъ новый видъ. Искусство книгопечатанія и возрожденіе наукъ производятъ то, что наконецъ появляются

довольно вѣрныя *исторіи*, вмѣсто стражныхъ лѣтописей заключенныхъ въ монастыряхъ со времени Григорія Турскаго. Вскорѣ за симъ въ Европѣ каждый народъ имѣлъ уже своихъ собственныхъ историковъ, — и прежній недостатокъ превращается въ излишество. Тогда не было города, который бы не хотѣлъ имѣть своей частной *исторіи*; тогда читатели такъ сказаны подавлены были тяжестью таковыхъ мѣлочей. Человѣкъ, желающій чему нибудь научиться изъ Исторіи, долженъ придерживаться нити великихъ происшествій и отдалять всѣ маловажныя, кои пресѣкають ихъ; онъ долженъ во множествѣ переворотовъ постигать духъ временъ и нравы народовъ. Наипаче же долженъ онъ прилѣпляться къ *Исторіи* своего отечества; изучать и познавать оную въ совершенствѣ; въ ея только вникать и даже малѣйшія подробности, — а на другіе народы обращать одно всеобщее обозрѣніе. *Исторія* другихъ народовъ занимательна для насъ потому только, что они имѣють съ на-

ми сношенія; и также естѣли совершили они какія нибудь великія дѣянія. По сдѣланнымъ уже примѣчаніямъ первыя времена паденія Римской Имперіи суть нечто иное, какъ цѣль варварскихъ заключеній подъ именами варварскими, — кромѣ временъ Карла Великаго. Англія остается почти отдѣленною отъ прочихъ Государствъ до царствованія Едуарда III. Сѣверъ оставался въ дикомъ состояніи до XVI столѣтія (*); а Германія долгое

(*) Напрасно Г. Волперъ приписываетъ вообще всѣмъ Сѣвернымъ народамъ необразованное состояніе до сего времени. Не упоминая о другихъ Государствахъ, одна Россія уже издавна составляла Государство довольно образованное; что самая Исторія ея доказываетъ. — Царствованіе Владимира Великаго въ X и XI вѣкахъ и Владимира Мономаха въ началѣ XII столѣтія уже достаточно опровергають мнѣніе о необразованности Россіи; почему и нѣтъ нужды приводить здѣсь многіе другіе примѣры. Къ тому же пѣснь о походѣ Игоря противъ Половцевъ, драгоценный отрывокъ древней Руской Поэзіи по высокимъ мыслямъ и по возвышеннымъ чувствамъ своимъ, принадлежитъ къ твореніямъ XII вѣка. Прим. Перев.

время находилась въ совершенномъ безначалїи. Раздоры Императоровъ съ Папами цѣлыя боо лѣтъ опустошали Италїю; — и даже трудно найти справедливую между сихъ ссорившихся сторону, когда лѣтописи о шѣхъ несчастныхъ временахъ изданы писателями малосвѣдущими и въ добавокъ еще самыми пристрастными. Гишпанская Монархїя представляетъ одно только происшествїе — водворенїе царей Визиготовъ; а прочее все находится въ смѣшенїи даже до царствованїя Изабеллы и Фердинанда. Францїя до Людовика XI была жертвою малоизвѣстныхъ несчастїй, подъ игомъ необразованнаго правленїя. Отецъ Данїиль утверждаетъ, что первыя времена Францїи занимательнѣ первыхъ времянь Рима; но оставляетъ безъ замѣчанїя, — что начало сего тѣмъ блистательнѣ и важнѣ, чѣмъ онъ былъ слабѣ: ибо весьма приятно видѣть малый источникъ попока, наводнившаго цѣлую половину земнаго шара!

Чтобы проникнуть въ запутанную темноту среднихъ времянь, для сего необходима помощь архивъ; но ихъ-то поч-

пи нигдѣ вовсе и нѣтъ. Нѣкоторые изъ древнихъ монастырей сохранили харпѣи и дипломы, заключающіе подареніе монастырямъ симъ разныхъ имуществъ, — которыхъ достовѣрность однакожь иногда оспаривается; но все сіе не есть такое собраніе бумагъ, гдѣ можно было бы почерпнуть свѣтъ для исторіи политической и для исторіи общаго права Европы. Англія безъ всякаго сомнѣнія богатѣе всѣхъ Государствъ архивами древнѣйшими и полезнѣйшими. Акты сіи, собранные Римеромъ подѣ покровительствомъ Королевы Анны, начинаются отъ XII вѣка и непрерывно продолжаются до нашихъ дней. Акты сіи разливаютъ великій свѣтъ на исторію Франціи: они являютъ на примѣръ, что Гвіана принадлежала совершенно Англичанамъ тогда, какъ Король Французскій Карль V конфисковалъ оную указомъ и завладѣлъ оружіемъ. Изъ актовъ сихъ усматриваемъ мы, сколь великія суммы денегъ и какого рода дань плащилъ Лудовикъ XI Королю Едуарду IV и котораго однакожь могъ онъ побѣдить; изъ актовъ сихъ видимъ,

сколь много денег Королева Елисавета дала займы Генриху Великому на то, что бы споспѣшествовать ему къ достиженію престола своего — и прочее.

(Продолженіе впредь).

О древнемъ Турьемъ рогѣ.

Читая 3-ю часть Собранія образцовыхъ Рускихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, нашелъ я въ концѣ Баллады Свѣтлана и Мстиславъ примѣчаніе, — гдѣ объясняется смыслъ слова *Турей рогъ* и говорится: что это былъ рогъ быка, который употреблялся на пиршествахъ вмѣсто чаши, — и что Рускіе пили изъ него медъ. Замѣчаніе сѣе привело мнѣ на память одно обстоятельство моей жизни, когда я еще въ молодости своей былъ въ военной службѣ.

Въ то время, какъ Грузинскій Царь Ираклій, при блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ Великой, отдался въ покровительство Россіи, — командовавъ

тому Кавказскимъ корпусомъ Генераль-Поручику Потемкику, въ шпашѣ котораго я находился, предписано было съ частію войскъ идти въ Тифлисъ въ слѣдъ за отпращенными къ Его Высочеству (*) царскими Регаліями и увѣрить Его въ благоволеніи Монархини, равно какъ и въ защитѣ отъ непріятелей. По предварительному сношенію учреждены были означенному Генералу отъ Царя приличныя на сей случай встрѣчи и дѣлаемы, кромѣ высылки оныхъ изъ Тифлиса, всюду по пути чрезъ Кавказскія горы. Тамъ находились жилища Осетинскихъ и другихъ горскихъ народовъ внѣ горъ не покрытыхъ вѣчными снѣгами; — они стояли подъ гранитными и асидными скалами, кои нерѣдко подавляли ихъ во время землетрясеній; но не устрашали столько, что бы сїи заматеревшія въ грубыхъ и дикихъ своихъ обычаяхъ народы не основывали оныхъ тамъ вновь. Такимъ образомъ близъ многихъ изъ тѣхъ селеній мы встрѣчаемы были

(*) Таковъ шпашу данъ былъ Царю Грузинскому по шпашу съ нимъ, на Грузинскомъ языкѣ: Умаглесо.

ихъ Князьками или Старшинами; при нихъ всегда находилось чучело звѣря называемаго *Туромъ*, — которое такъ было здѣлано, что съ помощію продѣтой ниже шей палки поддерживаемой двумя чело-вѣками стояло, какъ живой звѣрь въ спокойномъ состояніи. Странность сія насъ удивляла; мы любопытствовали и узнали, что у нихъ есть старый обычай имѣть чучело означеннаго звѣря для встрѣчи съ нимъ великихъ или важныхъ особъ.

Въ продолженіи пуши мы видѣли сихъ самыхъ звѣрей и живыхъ быстро перескакивавшихъ съ одной вершины сблизившихся горъ на другую, или низвергавшихся внизъ и опять съ невѣроятною скоростію вбѣгающихъ на нихъ, — пока скрывались отъ взоровъ нашихъ. На нихъ они упали рогами и ударясь ими о землю тотчасъ вспрыгивали на ноги и удалялись такъ мгновенно, что почти вовсе нельзя было разсмотрѣть ихъ фигуры.

Въ Тифлисѣ за Царскимъ столомъ подавали намъ мясо сего животнаго различно приготовленное; оно имѣло вкусъ дикой козы, только было гораздо прият-

нѣе. Не находя онаго нигдѣ больше мы узнали: что оно и не подается нигдѣ, кромѣ царскаго стола; и что всякой кто поймаешь сего звѣря по щастію или убьешь, — а то и другое случается очень рѣдко по быстрой его и безпрестанному прыганью, — долженъ непременно отвозить въ Тифлисъ и представлять его единственно царскимъ поварамъ; за что отъ казны назначено большое награжденіе. Рогажъ сего звѣря видѣли мы и у нѣкоторыхъ Грузинскихъ чиновниковъ прочно въ шаковомъ употребленіи, какъ у нашихъ Великихъ Князей, — только они пили изъ нихъ не медъ, а виноградное вино; шакъ же находили ихъ на обратномъ пути и у Горскихъ Князьковъ.

Рога сіи длиною не больше какъ въ четверть, прямы и пусы, толщиною при комѣ вершка въ два и нѣсколько овалны. Далѣе рогъ начинаетъ изгибаться улиткообразно, путь становится уже и острѣетъ, — пока совсемъ прекратится; а за тѣмъ вся конечность рога остается плотною и твердою. Звѣрь сей есть родъ дикихъ козловъ; и вошъ мѣ-

жесть быть сего-то животного быть вышеупомянутый Турей рогъ, а не бычачей. А что рога сїи могли и у насъ въ Кіевѣ нѣкогда быть получаемы; то это опять очень возможно: ибо древнее наше Тмутараканское княжество находилось въ со-сѣдствѣ съ Кавказскими горами. И поели-ку они были очень рѣдки; то и употре-блялись вмѣсто покаловъ у Великихъ Кня-зей и Бояръ ихъ.

М. Марковъ.

Черниговъ.

Переяславъ.

(Изъ Писемъ о Малороссїи Левшина.)

Письмо 20-е

Путешествуя по окрестностямъ Переяслава, осматривая всѣ достопамятно-сти, собирая извѣстїя и преданїя, — на-ко-нецъ удалось мнѣ сдѣлать открытіе до-вольно любопытное. Я. И. Б — въ почтенный знакомецъ нашъ, о которомъ я уже пи-саль къ вамъ, доставилъ мнѣ случай взгля-нуть на одну древнюю рукопись.

Перебирая изорванные и замасленные листочки ея, со вниманіемъ разсматривая всѣ слова и буквы, нашли мы извѣстіе объ основаніи здѣшняго города.

Неизвѣстный Сочинитель увѣряетъ, что близъ нынѣшняго Переяслава было село *Перея*,—въ которомъ родился Іоаннъ Усмошвецъ, извѣстный силою своею и пораженіемъ богатыря Печенѣжскаго. Владиміръ I, продолжаетъ онъ, для ознаменованія побѣды велѣлъ построить на мѣстѣ сраженія городъ и назвалъ оный *Переяславомъ* (*Перея* славная) въ честь *Перек*, прославившейся храбростію жителя. Одинъ до-лѣтній Переяславлянинъ подтвердилъ извѣстіе сіе увѣривъ, что и онъ помнитъ остатки села называвшагося такъ. Показанное имъ мѣсто дѣйствительно имѣетъ признаки бывшаго на немъ нѣкогда поселенія.

Мнѣніе Сочинителя безымянной рукописи не только правдоподобно; но и основательно. Однакожь я не смѣю защищать его; ибо оно противорѣчитъ всѣмъ лѣтописямъ нашимъ. Оно не согласно ни съ Несторомъ, который производитъ наз-

званіе Переяслава отъ имени бойца; ни съ Никономъ, которой говоритъ : на-
именованіе города сего произошло отъ
того, что *оный борецъ переялъ славу отъ*
Печенѣговъ Владиміру; ни съ Августѣй-
шею нашею Писательницею, которая по-
лагаетъ первоначальное основаніе Перея-
слава неизвѣстнымъ.

Однакожь какъ бы то ни было и отъ
чего бы ни произошло наименованіе горо-
да сего, — спранны только то, что Не-
сторъ приписывающій построеніе онаго
Владиміру Великому упоминаетъ объ немъ
въ договоръ Олега съ Греками. Это дока-
зываетъ, что Переяславъ существовалъ
еще прежде то столѣтія, — въ концѣ кото-
раго одержана побѣда надъ Печенѣгами
при Трубежѣ.

Ежелибы Исторія наша не была на-
полнена подобными прошиворѣчїями, — и
ежелибы точно извѣстно было, что Вла-
диміръ построилъ Переяславъ; тогда безъ
сомнѣнїя можно было бы принять извѣ-
стїе безымяннаго сочинителя за истинное
и произвести названіе Переяслава отъ
Переи.

*Отличительныя свойства Малороссiянъ
Письмо 23-е.*

Образъ правленiя, воспитанiе, кли-
матъ и мѣстоположенiе, — сильно дѣйствуя
на природу человѣческую, — производятъ
различiе какъ въ нравственномъ, такъ
и въ чувственномъ ея состоянiи.

Отсюда происходитъ разнообразiе
въ вѣрѣ, нравахъ, образѣ жизни и обрядахъ
людей; — разнообразiе замѣченное у всѣхъ
народовъ и во всѣхъ вѣкахъ; разнообразiе
необходимо существующее между одно-
племянными поколѣнiями и даже поддан-
ными одного Государства, но жителями
различныхъ странъ.

Рускiе и Малороссiяне происходятъ
отъ однихъ предковъ; какъ въ тѣхъ, такъ
и въ другихъ течетъ кровь древнихъ
Славянъ; но нравы ихъ несходны, обыкно-
венiя отличны, законы неодинаковы.

Раздѣленiе Россiи на множество Кня-
женiй, кочевая жизнь Малороссiйскихъ
козаковъ, сосѣдство ихъ съ различными
народами, принятыя отъ нихъ обычаи
и законоположенiя произвели очень ощу-
пительное различiе между сими двумя

справами одного народа какъ въ нравахъ, такъ и въ обыкновеніяхъ. Мы не должны удивляться замѣчаемому нами несходству; потому что духъ народный, какъ говоритъ Рейналь, есть слѣдствіе чрезвычайнаго множества постоянныхъ и случайныхъ причинъ. (*)

Пробѣжавъ бытописанія Малороссіи, — которая нѣсколько вѣковъ составляла воинственное и независимое отъ Россіи Государство, которой первобытные жители смѣшались съ Черкесами, Татарами, Поляками и можешь быть со многими другими неизвѣстными для насъ народами; которая долго не имѣла другихъ законовъ, кромѣ законовъ челоѣку врожденныхъ, — другихъ занятій, кромѣ войны, — другихъ постановленій, кромѣ свободы, равенства, простой и дружественной жизни казаковъ, сдѣлавшихся спрашными для всѣхъ сосѣдственныхъ державъ; — пробѣжавъ, говорю, исторію Малороссіи бывшей независимою и разсмотрѣвъ состояніе ея подъ игомъ Польши и подъ владычествомъ Россіи, мы

(*) Esprit de Raynal.

удобно открываемъ причину производящую различіе и доставляющую жителямъ здѣшнимъ нѣкоторыя преимущества — цѣною крови предковъ купленные.

Малороссіяне именовались прежде козаками (*) и гордились симъ названіемъ — славнымъ въ лѣтописяхъ мѣра. Они теперь раздѣляются подобно прочимъ жителямъ Россіи на дворянъ, духовныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ; а имя козаковъ осталось только при одномъ состояніи.

Малороссіяне управляются собственными, отъ Поляковъ принятыми законами; или лучше сказать Магдебургскими правами, которыя Король Казимиръ Ягелловичъ ввелъ въ Малороссію, и только въ слу-

(*) Козакъ значить бездомовной.

Сіе изъясненіе Г. Болшина наиболѣе принято. Стриковскій производитъ козаковъ отъ собственного имени вождя ихъ Козака. Лѣтопись Малой Россіи и Лепекъ утверждаютъ, что сіе слово означаетъ легко — вооруженнаго. Шереръ въ *Annales de la petite Russie* доказываетъ, что названіе козаковъ происходитъ отъ Днѣпровской косы.

чаѣ недостатка оныхъ прибѣгаютъ къ узаконеніямъ Россійскимъ.

Таковъ образъ правленія — сообразный нравственности народной — необходимо требовалъ и особыхъ властей нужныхъ для произведенія въ дѣйство всѣхъ постановленій. Потому находимъ мы здѣсь генеральный, пѣвѣтовъ и подкоморій судъ; также Подкомораго, Хорунжаго, Коморника, Вознаго — чиновниковъ и присудственныхъ мѣста совсемъ неизвѣстныхъ въ Губерніяхъ, по Учрежденію образованныхъ

Я бы могъ тебѣ коротко изложивъ здѣсь главнѣйшіе законы Малороссіянь, могъ бы вычислить всѣ предоставленныя имъ преимущества; но боюсь обременить и наскучить такимъ описаніемъ. Загляни въ Статутъ Липовскій, — ты найдешь тамъ всѣ законоположенія и права Малороссійскія, кромѣ немногихъ — данныхъ Сеймами Польскими и потомъ Государями Россійскими.

Не думай однакожъ, чтобы двоякія права Малороссіянь приносили имъ пользу; однѣ изъ нихъ часто лишаютъ ихъ выгодъ, которыя доставляютъ имъ другія.

Я оставляю образъ правленія, не касаюсь обрядовъ религіи — Малороссіянами и чужеземныхъ народовъ занятыхъ (*); но хочу описатьъ тебѣ нравственность ихъ, образъ жизни и нѣкоторыя обыкновенія. Однакожъ предупреждаю, что замѣчанія мои будутъ относиться токмо до простаго народа. Забуду людей образованныхъ и благовоспитанныхъ, умолчу о вышшихъ званіяхъ здѣшнихъ жителей, не скажу ничего ни о Дворянствѣ, ни о купечествѣ; но займуся многочислѣннѣйшимъ состояніемъ т. е. простолюдинами.

Дворянство, составляющее отличнѣйшую часть людей, не можетъ намъ дать понятія о нравахъ и обыкновеніяхъ той страны — которую мы наблюдаемъ. Обычаи онаго несвойственны всѣмъ состояніямъ; нравственность онаго не есть нравственность всеобщая; образованіе онаго не составляетъ образованія народнаго.

Духовенство, посвящающее себя на служеніе оларю, имѣетъ безъ сомнѣнія

(*) Напр. обливательное крещеніе, свадебныя и другія не извѣстныя въ великой Россіи обыкновенія.

нѣкоторыя отличительныя черты ему свойственныя, — но зависящія отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ званія и отъ обязанностей.

Купцы и Мѣщане занимающіеся торговлею, промыслами, руководѣніями и составляющіе средину между Дворянствомъ и простымъ народомъ имѣютъ нравственность взятую отъ обоихъ состояній. Прибавьте къ тому нѣкоторыя и часто чужеземныя обыкновенія — занятыя въ тѣхъ мѣстахъ, куда завлекла ихъ торговля, — и вы будете имѣть понятіе о купцахъ и мѣщанахъ Малороссійскихъ.

Вотъ вышшія состоянія жителей Малороссійскихъ; но состоянія малочисленныя, состоянія — которыхъ нравственность зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ и подвержена частымъ измѣненіямъ, а слѣдовательно и не составляетъ для наблюдателя нравственности общей; состоянія — которыя, по выраженію Даламберта, суть малые народы окруженные однимъ многочисленнѣйшимъ.

Оставимъ различныя состоянія людей, забудемъ отличія производящія меж-

ду ими неравенство, обратимся къ чело-
вѣку вообще; согласимся съ Руссо (*) въ
томъ, что онъ одинаковъ во всѣхъ обще-
ствахъ и что слѣдовательно большее
уваженіе наше заслуживаютъ многочи-
сленнѣйшія изъ нихъ. Ишакъ взглянемъ
на простой народъ и разсмотримъ нрав-
ственность онаго.

Малороссіяне благоговѣютъ къ Рели-
гій и непреклонны въ священныхъ исти-
нахъ оной. Разкольники между ими мало
извѣстны.

✓ Малороссіяне пламенно любятъ оп-
тизну свою и помнятъ славу предковъ
своихъ,—не навидя тѣхъ изъ нихъ, которые
очернили имяна свои презрительными по-
ступками. Нѣтъ для нихъ ничего ужа-
снѣе, какъ имя Мазепы; они забываютъ
себя отъ ярости при семь ругательствъ.

Воинственный духъ древнихъ Коза-
ковъ Малороссійскихъ не погасъ въ по-
томкахъ ихъ: они всегда съ радостію
идутъ сражаться за Вѣру, Государя и ту
землю,—на которой прославились предки

(*) *Pensées de Rousseau.*

ихъ, на которой родились они, выросли и на которой привыкли вспоминать громкія дѣла Свиртковскихъ, Наливайковъ и Хмѣльницкихъ. Названіе козака лестно для слуха ихъ; они неравнодушно произносятъ его.

Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны.

Домашняя жизнь и семейственное согласіе Малороссіянь достойны уваженія. Почтеніе и любовь, — къ которымъ приучаются они съ малолѣтства, — дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и хорешими отцами; а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семействъ ревность — злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію однакожь дружба не всегда соединяетъ здѣсь братьевъ, — и раздоры часто царствуютъ между женами ихъ.

Къ чести Малороссіянь цѣломудріе свято сохраняется ими, не смотря на вольность обхожденія между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно шутятъ и играютъ съ дѣвушками; но привыкли ограничивать

желанія свои, не смѣютъ далеко прости-
ратъ дерзкихъ требованій и довольству-
ются поцѣлуями — срываемыми со щекъ
незаспѣнчивыхъ Малороссіянокъ, — копо-
рыхъ горделивая походка, вольность и
рѣшительная твердость во всѣхъ поступ-
кахъ показываютъ мужество женщинамъ
необыкновенное и часто отнимающее у
нихъ прелести.

Чувствуя любовь, Малороссіяне не
скрываютъ ее и не стыжась. Ежели серд-
ца ихъ созданы любить другъ друга; то
они бросаются на колена предъ оцномъ
съ матерью и съ свойственнымъ языку
сердца краснорѣчьемъ умоляютъ соеди-
нить ихъ. Съ той минуты, въ которую
нѣжныя чувствованія сердець увѣнчаются
согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе
жениха и невесты — названія дающія
имъ право всегда быть вмѣстѣ и позво-
ляющія нѣкоторыя невинныя шушки. Воз-
ходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаим-
ныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда заспаетъ
ихъ въ томъ же положеніи; а не рѣдко и
мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ по-

коющихся сладким сномъ въ объятіяхъ другъ друга.

Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ—такъ и опцовъ съ матерями.

Малороссіяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы способны хранить вѣренныя тайны; но добродѣтель сія часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность.

Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнихъ Малороссіянъ; — оно и теперь здѣсь въ омерзѣніи.

Замѣчу тебѣ наконецъ: что изобиліе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливый климатъ Малороссіи дѣлаютъ жителей дѣшнихъ веселыми и склонными къ забавамъ.

Съ сими свойствами они бы могли назвать себя счастливыми, ежели бы большая часть ихъ была попечительнѣе и пользовалась, Творцемъ дарованными, сокровищами.

Я видѣлъ большую часть Малороссіи, видѣлъ всю Полтавскую Губернію, — и всегда называю ее съ Линнеемъ *прекраснѣйшею, но мало обработанною страной* (*).

Благоразтворенный воздухъ и плодородныя земли давали бы жителямъ здѣшнимъ право называться любимыми дѣтьми природы; ежели бы она многихъ изъ нихъ не лишила нужнѣйшей къ благосостоянію челоуѣка добродѣтели — трудолюбія, а чрезъ то и средствъ быть богатыми.

Бѣдность Малороссійскаго народа на каждомъ шагу ощутительна; особливо для того, кѣмъ видить, — что она происходитъ отъ безпечности и увеличивается мнимымъ источникомъ богатства здѣшнихъ поселянъ т. е. свободою винокурения, которая отвлекаетъ ихъ отъ работы и доставляетъ всегда средства удобно за дешевую цѣну имѣть вино.

Женскій полъ здѣсь трудолюбивѣе мужескаго. Малороссійянки не только заботятся о малюшкахъ и старикахъ, не

(*) Systema naturae.

только пекутся о приуготовленіи всего
нужнаго для домашней жизни; но и оп-
равляютъ работы мужчинъ,—съ которы-
ми живутъ онѣ въ согласіи, исполняя
желанія и волю ихъ, не будучи однакожъ
въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ Малороссіянъ
въ гордости и непокорливости; другіе
приписываютъ имъ злопамятность и лу-
кавство.

Боюсь повторить мнѣніе послѣднихъ;
но скажу то же, что первые утверждаютъ:
ибо свойства, ими замѣченныя, показыва-
ютъ остатокъ древняго духа.

Малороссіяне имѣютъ много добро-
дѣтелей; но имѣютъ и пороки также,
какъ всѣ народы. Однакожъ мы большею
частію, не замѣчая въ нихъ первыхъ, обра-
щаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною
тому, кажется, недостатокъ въ ласково-
сти и обходительности,—которыя всегда
привлекаютъ насъ и предупреждаютъ съ
перваго взгляда въ пользу людей ими
одаренныхъ.

Терпѣніе жителей здѣшнихъ достой-
но удивленія; но бояся вывести ихъ изъ
оного, бояся раздражить ихъ!

Къ сожалѣнiю я долженъ заключить описанiе нравственности Малороссiянъ неприятною чертою; къ сожалѣнiю я долженъ наконецъ тебѣ сказать о ненависти ихъ къ Великороссiянамъ. Ты легко можешь здѣсь въ жомъ удостовѣриться; ибо часто услышишь ихъ говорящихъ: *Добрый чоловикъ, да Москаль.*

Но етого еще мало: они переливаютъ чувство сiе въ самыхъ малютокъ и пугаютъ ихъ *Москалями*. При семъ имени устрашенное дитя перестаетъ кричать.

Еще повторю тебѣ: пробѣги бытописанiя Малороссiи; ты, можешь быть, найдешь въ нихъ источникъ сего ужаснаго и пагубнаго чувства.

Суевѣрiя и предрасудки, которыми подвержены Малороссiяне, не могутъ быть названы пороками; потому что они общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племянамъ; потому что всѣ люди, особливо непросвѣщенные, заражены ими; потому что нѣтъ народа столь счастливаго, которой бы ихъ не имѣлъ. Волтеръ почти справедливо думалъ, — называя суевѣрiе эпидемическою

болѣзнію, которую часто ощущаютъ и самыя твердыя души (*).

Согласись со мною и не пребуй отъ меня описаній тѣхъ странныхъ, смѣшныхъ а иногда достойныхъ сожалѣнія обрядовъ,—которые Малороссіяне получили или отъ предковъ нашихъ — идоламъ поклонявшихся, или отъ чужеземныхъ народовъ. Не любопытствуй о праздникахъ Коляды, Купалы и другихъ. Не заставляй меня разказывать тебѣ: какъ душа человѣческая, по мнѣнію жителей здѣшнихъ, должна,—разлучась съ тѣломъ—спранствовать и омываться, доколѣ очистишься. Не спрашивай меня о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ и объ ужасѣ,—который наводятъ они не образованнымъ простолюдинамъ.

Забудемъ это—и обратимся къ физическимъ качествамъ Малороссіянь.

Наружность ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто важное; умныя лица и усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритою бородѣ и высокомъ ростѣ,—придаютъ имъ величественный видъ. Жаль что они неповоротливы.

(*) Oeuvres de Voltaire.

Статныя, плотныя, по большей части темнорусыя и круглолицыя Малороссянки вообще не дурны,—хотя красоти между ними рѣдки.

Малороссяне, какъ кажется, нѣсколько чувствуютъ красоту въ Архитектуру: ихъ вкусъ довольно образованъ природою.

Деревни ихъ, расположенныя большею частію на горахъ—у подножья которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ,—и дома выбѣленные какъ снаружи такъ и внутри, представляютъ издали приятный видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Избы ихъ или *хаты* суть прекрасныя комнатки—просто но хорошо убранныя и раздѣленныя большею частію на двѣ половины. Печи, съ трубами въ нихъ сдѣланныя, предохраняютъ отъ дыму.

Малороссяне въ пищу разборчивы и умѣютъ со вкусомъ готовить ее. Природныя ихъ кушанья: вареники, галушки, жирной борщъ—очень вкусны. Къ тому жъ замѣнить надобно, что пища остающаяся

отъ обѣда не употребляется ими въ ужинѣ, но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убирають комнаты, показываетъ — что они любящъ живопись

Пляска Малороссійянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и не рѣдко протяжны. Иго, которое носили они нѣсколько столѣтій, оставило въ нихъ сѣю унылость.

О голосахъ ихъ нечего тебѣ говорить: гибкостію, чистотою и приятностію оныхъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Ты знаешь, что придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ Малороссійянъ.

Теперь нѣсколько словъ объ языкѣ Малороссійскомъ,

Онъ происходитъ отъ древняго Славянскаго; но смѣшанъ съ Нѣмецкими, Латинскими и Польскими перековерканными словами: отъ чего дѣлается почти непонятнымъ Великороссійнину. По множеству иностранныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ составляетъ онъ самое отдаленнѣйшее нарѣчіе языка Россійскаго.

Онъ хотя и не имѣетъ правилъ; однакожь нѣкоторые ученые Малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ: перелицованная Энеида — прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе — служилъ по-
му доказательствомъ.

При всемъ томъ, до сего времени онъ составляетъ только языкъ народа. Но ежели геніи здѣшней стороны обращатъ на него вниманіе свое и образуютъ оной, ограничивъ положительными правилами грамматики; тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы.

Тщетна сія надежда; ибо нѣтъ къ тому побудительныхъ причинъ. Да и возможность составить языкъ изъ нарѣчій — оставленнаго почти всѣми образованными коренными жителями здѣшней стороны, — есть самая малая! —

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Еще нѣсколько моихъ воспоминаній.

(Окончаніе)

Discite, quam parvo liceat producere vitam,
Et quantum Natura petat.

По убѣжденію моихъ приятелей на-
мѣревался я долго еще продолжать по-
вѣствованіе воспоминаній, оставшихся у
меня о многихъ мѣстахъ и особахъ; —
но для привлекательнаго описанія пер-
выхъ произшествій жизни нужно красно-
рѣчивое перо пламеннаго человѣка; а я
живу уже шестой десятокъ! Между тѣмъ
ободряюсь мыслію, что любящіе меня не
безъ удовольствія прочтутъ писанное
больше по внушенію сердца, нежели съ
помощію ума.

На счетъ Кіевской моей жизни скажу толь-
ко: бывъ по склонности и правиламъ удаленъ
отъ всего того, что имѣетъ хотя малѣй-
шій видъ гордости и чванства; почитая
неизвѣстность за неоцѣненное благо, ко-

торымъ милосердное небо меня благословило, — я не желаю наскучить чинамъ подробностями о рѣдкой благосклонности, коей нѣкогда удостоилъ меня великій Суворовъ. Я имѣлъ счастье находиться нѣсколько времени при особѣ его чтецомъ; и сѣе званіе подавало не рѣдко мнѣ случай бесѣдовать довольно свободно съ симъ истиннымъ Героемъ. Къ такой смѣлости не мало способствовала также и тогдашняя моя молодость, неопытность, совершенное невѣдѣніе общественныхъ отношеній. Я довольствуясь уже слишкомъ для меня лестнымъ признаніемъ, что Графъ Суворовъ любилъ меня и старался удержать при себѣ весьма выгодными предложеніями, — но кои принятъ возпрепятствовали мнѣ воля отца моего, склонность къ первому моему званію и совершенная моя неспособность къ военному ремеслу. Кардиналь Имперіали часто говаривалъ, что фортуна одинокъ только разъ въ жизни улыбается каждому; но и шутъ находить его или часто не годнымъ или неспособнымъ къ принятію и употребленію даровъ ея. — Пусть рѣшай

другіе, — къ какому классу принадлежу я. Какъ бы то ни было; а въ пылкой молодости, во время владычества страстей, обольстительныхъ мечтаній и блестящихъ надеждъ — питаемыхъ юнымъ сердцемъ, и увеличиваемыхъ волшебной силою воспаленнаго воображенія, — я отказался отъ приманчивыхъ обѣщаній фортуны: и, нынѣ ставъ старикомъ, не сожалею о томъ — доволенъ настоящимъ состояніемъ. Но сіе прежнее обстоятельство принесло мнѣ важную пользу: ибо, сколь я ни есмь и ни кажусь ничего незначащимъ въ глазахъ публики; однакожъ позволено мнѣ питать нѣкоторое чувство уваженія къ самому себѣ, при воспоминаніи о ласкахъ и милостяхъ великаго Суворова ко мнѣ бѣдному учителю. Строго судящіе назовутъ это признаніе нестерпимою гордостью, а снисходительное дружество извинить его. Не мнѣ судить объ удивительныхъ дарованіяхъ, блистательныхъ побѣдахъ и громкой славѣ Полководца; но никто не вѣднѣтъ въ преступленіе честному и чувствительному сердцу — изліяніе бла-

годарныхъ чувствъ. Памятникъ, возвигнушый благодарностию шверже мрамора и мѣди; онъ посмѣвается разрушительной силѣ времени. Я жалѣю отомъ только, что виновное мое нерадѣе лишило публику писемъ, — коими нѣкогда оцѣспливилъ меня Суворовъ; извѣстные же мнѣ о немъ анекдоты разказываю однимъ короткимъ дриятелямъ, привыкши опкрывать имъ всѣ мои мысли.

Великіе предмѣты, сильно потрясая душу, раждають въ ней чувство безпредѣльности какъ то: необозримое море, пространная равнина — теряющаяся въ синемъ горизонтѣ, высокія горы, величественныя деревья, дремучій лѣсъ, развалины — изъ которыхъ нѣкій духъ древняго вѣка вѣщаетъ въ уныломъ сѣшваніи. Желаніе видѣть море привело меня въ Тагарогъ; удивительно, какъ торговля — основанная на частной корысти служить къ общественнымъ выгодамъ и разликаетъ жизнь и обиліе посреди пустынь; какъ различіе нуждъ и прихотей, недостатковъ и избытокъ въ произведеніяхъ природы и въ издѣліяхъ человѣческой промышленно-

сти — соединяють людей и вызываютъ ихъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ. . . .

Разнообразіе нарядовъ, языковъ, обычаевъ и характеровъ доставляетъ обыкновенному уму многообразное и приятное зрѣлище; а наблюдатель находитъ въ томъ многое для размышленія. Водимый любопытствомъ, я охотно предавался впечатлѣніямъ новыхъ для меня предмѣтовъ; но сіе неестественное положеніе продолжалось недолго: я скоро переходилъ отъ удивленія къ внимательному изслѣдованію -- и на послѣдокъ отъ частаго обращенія съ одними и тѣми же предмѣтами къ равнодушію, къ привычкѣ, — отъ которой лучшія вещи теряютъ свою цѣну. Вѣчные разговоры о продажѣ и покупкѣ товаровъ, о прибыли и убыткѣ — усугубили во мнѣ природное отвращеніе отъ безсѣдъ основанныхъ единственно на коммерческихъ оборотахъ и на расчетахъ денежныхъ. Мы конечно не одинаково судимъ о вещахъ, имѣющихъ различныя точки зрѣнія: лѣкари и аптекари не судятъ о цвѣтахъ такъ, какъ любители оныхъ. Состояніе имѣетъ ощути-

тельное вліяніе на нравы, на вкусъ и на сужденіе. Торговля оживотворяетъ и обогащаетъ всякую страну; а деньги душа торговли: но ученый бѣднякъ неминуемо почувствуетъ скуку въ портяхъ, гдѣ онъ ничѣмъ не торгуетъ; потому что его товаръ ниво что не оставился. На нахальный вопросъ одного пересмѣшника остроумный Мендельзонъ отвѣчалъ съ крошкою улыбкою: вы, сударь, конечно не купите моего шовара. — О когда бы добродѣтели съ достоинствами сердца и ума содѣлались также предмѣтами коммерціи и сношеній между народами! Какое приобрѣтеніе было бы тогда для мыслящихъ существъ, соединяемыхъ человеколюбіемъ и взаимными благодѣянiями!! Бывали знаменитые писатели — одаренные форшуною; но гораздо больше бывало такихъ, кои помились въ бѣдѣности и кои больше заслуживали уваженія въ потомствѣ пѣмъ — что трудились неутомимо для негодарныхъ современниковъ презиравшихъ ихъ. Нѣжныя и крошкія Музы гнушающія корыстолюбіемъ; пламя генія болѣе тухнетъ отъ богатства, нежели отъ

бѣдности. Золото! золото! для пріобрѣтенія себя пашутъ, торгуютъ, плаваютъ по морямъ, путешествуютъ, оставляютъ родныхъ и друзей, учатся, пишутъ книги, беспокоятся, мучатся, не спятъ *Virtus post nummos . . .*

Dicite, P., in templo, quid facit aurum!
и мечтаютъ при накопленіи сокровищъ о возвращеніи райской жизни на землю. Однакожъ прямое щастіе не въ деньгахъ состоитъ, — но въ здоровьѣ, весельи, спокойствіи сердца и совѣсти, въ умѣренномъ наслажденіи благами, коими намъ дозволено пользоваться на малое время. Отъ богатства же всегда рождается роскошь; отъ роскоши пресыщеніе, скука, жадность и скупость: гаснутъ и пламенники нѣжнаго Гименея; прелестныя Граціи скорбятъ о разлукѣ съ нимъ и уже не присутствуютъ при заключеніи союзовъ любви и дружбы. Красота и другія достоинства замѣняются сіяніемъ Голкондскихъ камней и Перуанскихъ сокровищъ. Небесная любовь уже не удѣлъ сердецъ, а предметъ денежнаго расчета. Къ чему столько заботъ и денегъ?

Нужно, говорить, необходимое для себя и для потомства. . . Но мысль сия не имѣетъ ни какого смысла; и, по свойству ненасытныхъ человѣческихъ желаній, по заразительному примѣру другихъ, — необходимое есть бездна, которую обладаніе цѣлаго свѣта не можетъ наполнить. *Tout ce que nous voulons au delà de ce que la Nature peut nous donner, est peine; rien n'est plaisir que ce qu'elle nous offre* — справедливо говорить Бюфонъ. Благородная простота нравовъ и вкуса украшаетъ жизнь, возвращая намъ блаженство дней молодости, — коихъ память столь сладостна отъ того, что дни текли въ радости и невинности безъ бурь отъ буйныхъ страстей своихъ и чужихъ. Одна добродѣтель, чистая Религія и спокойная совѣсть облагораживаютъ наши радости и ублажаютъ жизнь; они усыпаютъ путь ко гробу неунывающими цвѣтами. Порокъ же, подобно ядовитому дуновенію, все портитъ — все оштраиваетъ — все мертвитъ! . . . Въ Таганрогѣ ошмѣнно по-иравилась мнѣ опрятность домовъ съ галлереями, чистота простыхъ мебели,

видѣ доспашка въ одеждѣ жителей, приятное зрѣлище непринужденнаго веселья и согласія въ обществахъ — въ пиршествахъ; удаленіе отъ пышности при изобиліи и какой-то родъ свободы — равенства, при избѣжаніи грубыхъ и ненавистныхъ предразсудковъ, водворяющихъ раздоръ и вражду между членами обществъ. Душею обществъ былъ тогда покойный Г. М. П. Ф. Бачмановъ по веселому расположенію духа, простодушію и рѣдкому гостеприимству. Жаль только, что чиновники въ Таганрогѣ подобно морскому приливу и отливу то прибѣгаютъ, то уѣзжаютъ; и общаго знакомства также скоро разрушаются, какъ и составлялись. Въ бытность мою, тамъ я былъ знакомъ со многими Греками. Я ихъ люблю по привычкѣ съ молодыхъ лѣтъ любить и почитать Ликурга, Солона, Сократа, Платона, Ксенофонна, Епаминонда, Леонида, Аристиды. . . . Между Таганрогскими Греками я нашелъ многія почтенныя имена древнихъ Грековъ; но какая розница между словомъ и дѣломъ, между исторіею и романомъ! Жаль, что

я не спросилъ у знакомыхъ своихъ: какого они мнѣнія о славныхъ ихъ предкахъ, — кои при оцѣнкѣ благъ жизни (*) въ городѣ Олимпіи опредѣлили первое мѣсто добродѣтели, второе мудрости, третье здоровью, а послѣднее богатству. Я высоко цѣню слова одного древняго мудреца: вы отправляетесь въ Аѳины, благоговѣйте къ Минервѣ; но гораздо превосходитъ сихъ словъ произнесенное небесною премудростію: соберите сокровища, коихъ ни червь, ни моль не поѣдаютъ. — *Innocui vivite, Numen adest*— было написано на дверяхъ кабинета бессмертнаго Линнея.

Отъ Х... до Т... нѣтъ красивыхъ мѣстоположеній; исключая Чугуевъ и Р. по дорогѣ въ Гнилицу, гдѣ не давно скончалась къ великому прискорбію родныхъ и знакомыхъ Т. Г. Ш..., дама отличная благочестіемъ, гостепріимствомъ и равнодушнымъ исполненіемъ семейственныхъ обязанностей; исключая Богосл...

(*) Смотрите примѣчанія на Грековъ и ихъ записки въ Путешествіи Г. Волгя.

гдѣ кончила дни В. А. III. достойная по-
дражанія особа, какъ дочь, супруга, мать
и госпожа. Я охотно упоминаю о умер-
шихъ особахъ прекраснаго пола; просвѣ-
щенная, добрая, скромная и крошкая жен-
щина имѣеть нѣчто небесное. Она-по
есть первѣйшее изъ тѣхъ благъ, коими
природа привязываетъ мужчинъ къ жизни
и къ обществу.

За Изюмомъ съ горы видно многораз-
личное пространство. Природа вездѣ при-
ятна и богата; она вездѣ печется нѣжно
о чадахъ своихъ и ея матернее попеченіе
усугубляется по мѣрѣ слабости ихъ,
какъ то доказываетъ ученіе натуры спо-
собное къ униженію самолюбія тѣхъ, —
кои думаютъ, что они преимущественно
бывають цѣлю ея вниманія. Приятно пу-
тешествовать между лугами, гдѣ пасутъ
многочисленныя стада животныхъ;
приятно смотрѣть на хлѣбъ цвѣтущій
въ скромной простотѣ въ то время, какъ
другія изпещренныя цвѣты гордо поднима-
ють свои головки. Скромность всегда со-
путствуетъ истиннымъ достоинствамъ;
подобно тому, какъ зернами осыпанныя

колосы смиренно наклоняются. Опъ прелестныхъ цвѣтовъ не всегда рождаются превосходные плоды: дерево познается по плодамъ, вѣщала небесная Премудрость! Слова еще болѣе обманываютъ, нежели наружность. Хлѣбная былинка и виноградная лоза достигли Бахусу и Церерѣ божественныя почести; но и не говоря о насъ о томъ человѣкѣ, который обогатилъ Европу полезнѣйшимъ растѣнiемъ — картофелемъ. Такъ-то презираются иныя подъ одеждою бѣдности, хотя они внутреннимъ достоинствомъ лучше разубранныхъ Селадоновъ.

Въ Буг. . . . прекрасные сады; они заслуживаютъ вниманiе шѣмъ болѣе, что находишь въ нихъ нечаянно уголки прелестной Аркадiи по степнымъ мѣстамъ — и купно приличность гостеприимства, свободы, веселья и удовольствiя.

На первой Донской станции по Таганрогской дорогѣ учительское мое самолюбiе было нѣсколько оскорблено обиднымъ обхожденiемъ Г. Писаря, — которой, принявъ съ презрѣнiемъ подорожную, сказалъ съ насмѣшкою: Г. Учитель весьма не ве-

лика фигура. Чувствуя въ полной мѣрѣ всю важность учительскаго званія, когда исполненіе соотвѣтствуетъ благороднѣйшей его цѣли, я принялъ важной видъ и сталъ говорить Г. Писарю о не приличномъ его положеніи въ необыкновенное время — (это было очень рано) и какъ необходимо нужны учтивость и скорое отправленіе проѣзжающихъ по человѣчеству и по должности. На первое представленіе онъ возразилъ, что его положеніе дѣло житейское; а на второе, что онъ не принимаетъ наставленій отъ такихъ неважныхъ лицъ, каковъ я. Не уже ли я похожъ на Рыцаря печальнаго образа? Правду сказать, фигура моя не весьма интересное рекомендательное письмо; при томъ взглянулъ я и на бѣдность моего экипажа. Притѣсненіе производитъ хитрость: я сталъ ему грозить не взысканіемъ моего Г... Директора, съ коимъ онъ вѣрно не поступилъ бы лучше, чѣмъ со мною; не властью Почтдиректора; а отвѣтственностію передъ Градоначальникомъ, у котораго я надѣялся играть немаловажную роль. Тогда Писарь, перемѣнивъ тонъ и опившись мнѣ низкой по-

клонъ, сказалъ: ну полно, ваше благородіе, сердитесь; чего не бываетъ въ свѣтѣ? грѣхъ пополамъ! (слушайте) и я былъ немедленно отправленъ далѣе.

До сего забавнаго приключенія, одинъ почтарь почти еще мальчикъ поступалъ жестоко съ лошадьми. Во все не терпя, чтобы худо обходились со скотами, — когда это отъ меня зависить, я началъ бранить мальчика и укорять его въ немилосердіи. — Что вы, пане, изволиште такъ много беспокоиться и жалѣть о сихъ коняхъ? вѣдь они не наши, а Жидовскіе. — Лжешь, мальчикъ: гдѣжь Жидъ ихъ купилъ? — Въ нашемъ селѣ. — Спало бытъ лошади одного рода съ шѣми, что и у крестьянъ. А ты, дружокъ, у кого живешь? — у Жида же. — Хорошо ли онъ тебя содержитъ? — Да, пане, очень хорошо. — Такъ видишь ли, какъ ты несправедливъ и сколько грѣшишь противъ благодарности! Чѣмъ лошади виноваты, что онѣ Жидовскія?... Не слыхалъ ли ты отъ священника или отъ какого либо добраго крестьянина: *блаженъ кто и скотъ милуетъ?* Тутъ сказано о живомъ-

ныхъ вообще, безъ разбора людей и народовъ — Удивленный сими словами мальчикъ далъ мнѣ слово впередъ поступать хорошо со скотами, чьи бы впрочемъ они ни были.

Въ проѣздѣ мой изъ Таганрога въ Херсонъ попался мнѣ Донской почтарь, который напрошивъ *очень ласково обходился* съ лошадьми; и для отвлеченія меня отъ скорой ѣзды по пустынямъ — старался разогнать мою скуку разными испорйками. Вотъ между прочимъ одно его разсужденіе, которое рѣдко входило въ голову почтаря: — Ахъ, баринъ, — естли бы мы боялись Бога и Ему повиновались, хотя вполонину того какъ мы уважаемъ начальниковъ и имъ повинуюемся; то было бы хорошо жить на свѣшѣ!! — Да, мой другъ! естлибъ мы имѣли другъ къ другу хоть половину той любви, которую ты имѣешь къ своимъ лошадямъ; то и свѣшъ былъ бы на чтоибудь похожъ! — Онъ понялъ меня, засмѣялся, ударилъ по вѣмъ по тремъ и мы помчались въ Маріуполь. . . .

Въ бытность мою въ Т. я любилъ за-
думавшись ходить по валамъ крѣпости,
устроенной по плану — начертанному цар-
скою рукою безсмертнаго Петра I. Оттуда
видѣшь можно, какъ пристающіе къ бере-
гамъ Меотійскаго Озера выгружаются
суда, — и золотыя яблота уже не спрего-
мыя страшными драконами, а нынѣ расту-
щія въ прекрасныхъ поляхъ отечества
Геркулеса и Аргонавтовъ. Я любилъ изъ
дубовой рощи смотрѣть то на гладкое,
то на волнующееся море и дремать при
шумѣ вѣтровъ. —

Какъ путешественникъ, я прощаюсь
теперь съ чинашелями, благодаря усер-
дно — незнакомыхъ за ихъ великодушное
терпѣніе, а знакомыхъ за снисходительное
вниманіе. Это еще не послѣдки изъ стран-
нической моей сумки; но... *sit modus in rebus...*

Вѣчная благодарность да будетъ
посвящена добрымъ и честнымъ моимъ
родителямъ, жертвовавшимъ послѣднюю
трудоваю копѣйкою для образованія сла-
быхъ моихъ способностей, — равно и всѣмъ
моимъ учителямъ. *C'est être un monstre que
de ne pas aimer ceux qui ont cultivé notre âme. V.*

Пусть невѣжа бранить просвѣщеннаго; но онъ ему тайно завидуешь и притворяется презирающимъ то, что внутренно чтить, — а приобрести опчаевается. Le bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire, soit au milieu de l'éclat de la gloire, soit dans l'obscurité d'une retraite paisible. Науки усугубляютъ наслажденіе богатыхъ; а бѣднымъ доставляютъ пособіе, уваженіе и утѣшеніе. Онѣ-то суть лучи небеснаго разумѣнія, которое управляетъ Вселенною. Блаженъ тотъ, кому сопутствуетъ любомудріе и кѣмъ оно руководствуется до гроба! По добродѣтели нѣтъ ничего достойнѣе уваженія нашего, какъ науки: и можетъ ли истинное просвѣщеніе быть разлучено съ добродѣтелію? Черезъ любомудріе мы научаемся сносить мужественно печальныя и бѣдственныя приключенія жизни, покорствуя опредѣленіямъ небеснаго Отца. Въ Его святой десницѣ находятся жребіи нашей жизни; и Онъ ихъ разпоряжаетъ такъ, какъ требуетъ истинное наше благополучіе. Мудрая книга есть вѣрнѣйшій другъ, полезнѣйшій наставникъ, нелице-

мѣрный и усердный утѣшитель. Истинная философія есть дочь небесъ, искра Божества, источникъ добродѣтели, свѣтъ разума, — долженствующій нами управлять во всю жизнь; а не ложное просвѣщеніе, сей пагубный плодъ страстей ничѣмъ ненасыщаемыхъ, сей бичъ общества и человѣчества! Кто часто пьетъ изъ ядовитой чашы необузданныхъ страстей; у того остается неутолимая жажда, которая въ старости дѣлается неизлѣчною. Кто на противъ руководствуется Христіанскою мудростію и сердечною склонностію къ добродѣтели, тотъ столько же возвышенъ надъ другими человѣками, сколько обыкновенный человѣкъ надъ безсловесными. Безъ Бога и безъ Религіи театральныя наши добродѣтели едва ли лучше явныхъ пороковъ; и писатели, вдохновенные мудростію — основанною на чистой Религіи, еще достойнѣе нашего уваженія своимъ благочестіемъ — нежели дарованіями. Всѣ науки ничто безъ науки любить Бога и ближняго; вошъ предмѣтъ достойный всѣхъ стремленій души и сердца! Боже-

ство есть истинная и единственная цѣль нашихъ желаній. Міроздавіе есть мысль Творца; Евангеліе изъясняетъ сію мысль. Христіанскій законъ научаетъ насъ быть крошкими, смиренномудрыми, добрыми, добродѣтельными, благочестивыми, покорными, спокойными, щасливými и благонадежными, показывая намъ суешность нашихъ гордыхъ замѣй. —

Да будутъ благословенны Библейскія Общества, коихъ цѣль есть разпространеніе и чтеніе священныхъ книгъ — содержащихъ утѣшительную и спасительную Религію, — которая, по словамъ одного Французскаго Депутата, одна можетъ истребить ненависть, умягчить злобу, преклонить гордыню, привести къ прощенію оскорбленій, залѣчить сердца разсерзанные и содѣлывать изъ всѣхъ людей одно семейство — собранное въ объятія наидобрѣйшаго Отца.

Иванъ Вехнетъ.

С. Бугаевка
21 Іюля 1816 года.

Изображеніе одного предмѣта тремя знаменитыми Авторами.

Совѣсть.

(Изъ Массильона).

Тайными смятеніями и угрызеніемъ совѣсти мы повсюду оказываемъ наше благоговѣніе къ святости добродѣтели, нами нарушаемой; скука и печаль, непазлунныя съ преступленіемъ, внушаютъ намъ ту мысль, — что порядокъ и невинность суть единственное наше достоинство на землѣ. Какъ бы мы ни силились принять видъ безстрашья, — преступная совѣсть сама себя изобличаетъ. Ужасныя страшилища повсюду намъ предшествоуютъ; уединеніе смущаетъ насъ; тѣма приводитъ въ трепетъ; привидѣнія, со всѣхъ сторонъ устремляющіяся, непрерывно насъ укоряютъ въ сокровенныхъ ужасахъ души нашей; страшныя сновидѣнія наполняютъ воображеніе наше мрачными представленіями; — преступленіе, вслѣдъ котораго мы поспѣшаемъ съ толкимъ удовольствіемъ, преслѣдуетъ насъ

и, подобно кровожадному врану, терзаетъ сердце наше въ наказаніе за преж-
нее удовольствіе — имъ самимъ намъ до-
ставленное.

(Изъ *Шатобріана*).

Совѣсть есть доказательство без-
смертія души нашей. Каждый человѣкъ
имѣетъ въ сердцѣ своемъ судилище, —
въ которомъ онъ судитъ самъ себя пре-
жде, нежели верховный Судія подтвердитъ
приговоръ его. Если порокъ есть необ-
ходимое (физическое) слѣдствіе нашего
устроенія (организаціи); то отъ чего
происходитъ ужасъ, смущающій дни пре-
ступнаго блаженства? Отъ чего грызеніе
совѣсти толико спрашно, — что легче
покоряться бѣдности и всей строгости
добродѣтели, нежели беззаконно приобрѣ-
тать имущества? — Отъ чего кровь во-
плетъ и камень прорицаетъ? Тигръ ра-
стерзавшій свою добычу — спитъ; чело-
вѣкъ сдѣлавшій убійство — терзается
бессонницею, бѣжитъ въ уединенныя
мѣста, — и самое уединеніе усмрашаетъ

немъ ея нарицаетъ преступленія. Бывъ отвергнута — она оскорбляется, молчитъ, не отвѣчаетъ намъ;—и послѣ столь продолжительнаго пренебреженія къ ней—такъ же трудно бываетъ возвратить ее, сколь нелегко было изгнать.

Съ Франц. Александра Каменская?

Дружба.

(Изъ Ласеледа.)

Высокая страсть, чувство душъ великихъ, благополучіе міра, — при которомъ всѣ несчастія исчезаютъ или ослабѣваютъ и всѣ блага украшаются и умножаются — священная дружба! одно твое имя напоминаетъ уже мнѣ всѣ удовольствія моей жизни. Геройская страсть, коей чистѣйшее пламя возжигается чувствами и одушевляется умомъ! Утѣшительная добродѣтель, которою Верховное Существо надѣлило человѣка для вознагражденія опасныхъ слѣдствій отъ изпорченнаго разсудка; благодѣтельное чувство, безъ котораго

нѣтъ для насъ щастія! И что за щастіе, о которомъ нельзя сказать своему другу? Небесная добродѣтель! имя твое часто оскверняютъ и искажаютъ образъ твой; люди обожаютъ тебя даже не зная тебя. Великодушная и величественная страсть! ты улучшаешь наше бытіе и заставляешь жить только для друга, избраннаго нами по сердцу! — тебя я хочу изобразить.

Никогда тотъ, чье сердце возжено тихимъ пламенемъ священной дружбы, не испыталъ столь живѣйшаго чувства, — какъ во время, когда другъ имъ обожаемый имѣетъ въ немъ великую нужду; онъ слѣдуетъ за нимъ и въ самомъ жестокомъ несчастіи; соединяется съ нимъ, чтобы уже никогда не разлучаться; самая холодность избраннаго не можешь погасить въ немъ небеснаго огня, коимъ онъ пылаетъ; любишь даже неблагодарнаго, невѣрнаго священнымъ законамъ дружбы; онъ только сожалѣетъ о немъ, прощаетъ ему обиды; сокрушается, но все не менѣе любитъ; жертвуетъ ему собственнымъ щастіемъ; хочетъ умереть за своего Ореста и желаетъ, чтобы онъ того не зналъ. Душа его сливается

съ душою друга; одни у нихъ желанія, побужденія, склонности. Если смерть все разлучающая похищаетъ предмѣтъ его нѣжнѣйшихъ чувствованій, — онъ его сопровождаетъ съ твердостью до самой могилы; и сѣи роковыя минуты усѣяваетъ еще приятностями и утѣшаетъ себя тогда, какъ лишается всего невозвратно; но когда уже и надежда оставляетъ его, безутѣшный предается своей горести и проливаетъ слезы; — одинъ среди безмолвія мрачныхъ лѣсовъ, оплакиваетъ свою потерю, наслаждается воспоминаніемъ, мнимымъ представленіемъ своего друга; поминъ сердце, коего чувства не могутъ уже болѣе изливаться — и жизнь, посвященную другому, для себя цѣпляетъ онъ безполезною.

Иногда во время ночной темноты ему представляется образъ друга среди слабаго свѣта; онъ разговариваетъ съ нимъ, какъ будто бы могъ его слышать! утѣждаетъ свою горестъ сею приятною и жестокою мечтою, бѣжитъ обнять обожаемую тѣнь — и къ крайнему огорченію своему схватываетъ только безчувствен-

ный мракъ: онъ просить его у ночи, у дня и наконецъ будучи уже не въ состояннн перенести своей горести, совершенно предается печали, онъ умираетъ произнося имя своего друга.

Священное дружество! для чего не всѣ сердца возпламеняетъ твой чистѣйшій огонь? для чего столь немногіе имѣютъ тебя въ душѣ, между тѣмъ какъ у всѣхъ ты во устахъ? для чего имя твое достойное того, чтобы произносила его одна лишь добродѣтель, такъ часто служило завѣсою вѣроломныхъ измѣнъ и пагубныхъ умысловъ?

Глафира Шумлянская.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Приключеніе случившееся съ Тю-
ренемъ.*

(Изъ Бланшарда.)

Дѣти мои! вы безъ сомнѣнія найдете такихъ людей, кои скажутъ вамъ: что они видѣли страшилищъ, выходцевъ съ темнаго свѣта, привидѣній, мертвецовъ — которые ходили по ночамъ. Не вѣрьте такимъ людямъ, презирайте сіи нелѣпыя разказы: такіе люди обыкновенно бываютъ несмысленны, легковѣрны и малоумны; они охотно выдаютъ за собственные приключенія — сказки ими слышанныя и спѣшатъ повторять ихъ, — чтобы другимъ вдохнуть свой пустой страхъ и увѣрить въ то, чему они сами вѣрятъ отъ всего сердца. Этого мало; — вы найдете еще и такихъ людей, которые наговарятъ вамъ тому небылицъ, — а не скажутъ, что все это они слышали отъ другихъ; станутъ утверждать напропивъ, что сами видѣли такія чудеса собственными своими глазами. Между сими люди-

ми встрѣятся даже особы почтенные и повидимому неспособные обманывать; но должно ли вѣрить и симъ особамъ? Нѣтъ, друзья мои; они конечно не захотятъ обмануть васъ, они сами твердо увѣрены въ томъ, будто были свидѣтелями необыкновенныхъ происшествій; — но въ такомъ случаѣ видимость, ихъ легковѣріе и боязнь обманули ихъ самихъ; если бы они, руководясь разсудкомъ и неустрашимостію, рачительно испытали то, — что имъ кажется сверхъ естественнымъ; то, узнавши обманъ, убѣдились бы въ той истинѣ: что Богъ не попускаетъ ничему совращаться съ обыкновенныхъ путей природы. На этотъ случай разкажу я вамъ два приключенія довольно странныя, изъ которыхъ научитесь вы, — какъ поступать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

„Кардиналъ Рецъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что онъ однажды проводилъ вечеръ въ Сен-Клу въ домѣ Парижскаго Архіепископа — дяди его, съ Г-жею и Д-цею де Вандомъ, Г-жею де Шуази, Виконтомъ Тюренемъ, Епископомъ Лизьёзскимъ,

Г-дами Брїономъ и Вуашюромъ и проводилъ тамъ время столь приятно, — что всё сїе общество уже весьма поздно должно было возвращаться въ Парижъ.

Едва начинало разсвѣтать (это было лѣтомъ), когда они приблизились къ спуску Простачковъ (*des Vaux hommes*) при самой подошвѣ горы. Вдругъ карета ихъ останавливается; кучеръ, у котораго спрашиваютъ причину тому, отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ: „развѣ хотите, чѣобы я переѣхалъ черезъ эсихъ дьяволовъ, которые передо мною?“, Пять или шесть лакѣевъ, бывшіе назади, не смѣютъ отворить рта. Тюрень нимало не боясь выскакиваетъ изъ кареты и вынимаетъ шпагу; Кардиналь схватываетъ другую и бѣжитъ соединиться съ нимъ. Посмотримъ на нихъ, сказалъ Тюрень; и посмѣтрѣвши прибавилъ: они въ самомъ дѣлѣ моглибы быть дьяволами! Прочіе оставались въ каретѣ совершенно оцѣпенѣвшими отъ ужаса.

Когда мы сдѣлали пять или шесть шаговъ со стороны Савонери, продолжаетъ Кардиналь въ своихъ Запискахъ; то уви-

дѣли длинный рядъ черныхъ привидѣній. Признаться, съ начала я больше спрусилъ, нежели Г. Тюрень; но вдругъ, когда пришло мнѣ на мысль, что я давно ищу *духовъ* и конечно найду ихъ здѣсь, — я быстро пустился впередъ. Бывшіе въ каретѣ, думая — что мы попались къ этимъ дьяволамъ въ когти, закричали изо всей мочи; но правду сказать, не они одни испугались. Кпожъ, думали бы вы, были эши дьяволы? Бѣдные Августинцы, монахи называемые черными Капуцинами. Они, видя приближеніе двухъ человекъ со тпагами въ рукахъ, пришли въ великой страхъ; и одинъ изъ нихъ, отдѣляясь отъ толпы, закричалъ намъ: господа, мы бѣдные монахи, не дѣлаемъ никому вреда и идемъ къ рѣкѣ, — что бы освѣжиться для здоровья. Мы возвратились къ каретѣ съ такимъ хохотомъ, какой только можно вообразить себѣ. На другой день Тюрень признался мнѣ, что первое явленіе сихъ мнимыхъ привидѣній произвело въ немъ удовольствіе, — хотя прежде того онъ все думалъ что испугается, если увидишь что нибудь необыкновенное. А я ему признался,

что первый гидъ привелъ меня въ содроганіе, — хопя мнѣ во всю мою жизнь хотѣлось видѣть духовъ.“

Въ другой разъ Тюрень, путешествуя по одной Южной провинціи Французской, услышалъ о необитаемомъ замкѣ, — куда, какъ носилось, приходили духи. Желая короче узнать это, онъ пришелъ въ сѣ мѣсто. Въ полночь вдругъ представляется Тюрению чудовище обремененное цѣпями и даетъ знакъ слѣдовать за нимъ. Пришедши въ одну изъ нижнихъ залъ замка, привидѣніе потрясло своими цѣпями, — и тотчасъ подъ ногами у нихъ открылась опускающаяся дверь; Тюрень очутился въ подземельи среди толпы людей, которыхъ онъ тотчасъ по ремеслу ихъ призналъ за дѣлателей ложной монеты. Привидѣніе сняло съ себя печальный уборъ и заняло мѣсто между своими товарищами.

Начальникъ шайки, обратившись къ Тюрению, сказалъ ему: безразсудный! что завело тебя сюда? Естьли ты не, вѣришь, что обитатели сего мѣста суть существа сверхъ-естественныя; то по край-

ней мѣрѣ ты подумаль бы, что имъ нужно бытъ неизвѣстными. Открывши насъ ты пропадь безъ возврата, входь твоей въ сіе подземелье есть твой смертный приговоръ. — Смерть не устрашаетъ меня, возразилъ Тюрень; узнайте, съ кѣмъ имѣете дѣло — и подумайте, что покусившись на мою жизнь, вы сами пропадете невозвратно: естли я не ворочусь назадъ; то придуть искать меня — и вы знаете, что приготавлиаетъ вамъ правосудіе..... — Поелику ты Тюрень, сказалъ начальникъ шайки; то мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ и докажемъ это, полагаясь на твою скромность. Общайся не говорить объ насъ прежде шести мѣсяцевъ — и мы оставимъ тебя въ живыхъ. — Хорошо, отвѣчалъ Тюрень. — Тюрень долженъ подумать, прибавилъ начальникъ шайки, что естли онъ измѣнитъ своему слову; то гдѣ бы ни былъ, какія бы ни употреблялъ предосторожности — ему опомстятъ за насъ смертью. —

Послѣ сего Тюрень свободно вышелъ изъ замка и возвратился къ своимъ лю-

дямъ, которымъ сказалъ, — что видѣлъ ужасныя чудеса въ этомъ замкѣ и что нельзя въ него войти, не подвергая опасности свою жизнь; — и онъ не солгалъ только въ этомъ послѣднемъ.

Спустя около года послѣ сего приключенія, — подали Тюрению въ то время, когда онъ давалъ большой столъ, письмо привезенное какимъ-то чужестранцемъ. Въ немъ было написано: *Духи и присидѣнія замка имѣютъ честь увѣдомить Г. Тюренья, что они сдѣлались мирными обитателями земли. Они просятъ его благоволить принять богато убранную лошадь, которую посылаютъ какъ доказательство своей благодарности за сохраненіе тайны.*

Въ самомъ дѣлѣ посланный привязалъ на дворѣ лошадь въ прекрасной збруѣ и исчезъ. Тюрень, почти забывшій о семъ приключеніи, вспомнилъ его и разказалъ своимъ гостямъ.

Съ Франц. Г—й.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цветокъ на гробъ друга.

С. А. Гринева.

Милые друзья! скажите мнѣ,
Для чего мы пробудились?
Для того ли, чтобы чувствовать —
Какъ во снѣ мы были щастливы?
Для того ли, чтобы научиться намъ —
Какъ оплакать пробужденіе?.

Для того ли, солнце ясное!
Облисало ты вселенную, —
Что бы мы въ слезахъ унынїя
Не видали, какъ ты свѣтишь намъ
Надъ могилой друга нашего?
О судьбы непостижимыя!

Зналили мы, что кроткій взоръ его
Къ намъ на утрѣ обращавшійся,
Съ тихою звѣздой вечернею
Смертной тѣнїю покроется?
За одну его улыбку къ намъ
Сколько вздоховъ выпускаемъ мы!.

Зналь ли онъ, что руки чуждыя
Понесуть его въ страну ошцовъ?
Зналь ли онъ, что взоры чуждые
Оросятъ слезами хладный прахъ?
Зналь ли?.. но, о тѣнь священная!
Всѣ мы, всѣ мы здѣсь не надолго!

Бѣдно наше достояніе!
Знашь друзей — любишь.. и каждый мигъ
Трепещашъ прощанья вѣчнаго...
Прижимаясь къ сердцу ближняго
Помнишь то, что можешь завтра же
Розны мѣры насъ вмѣщать будутъ!...

Зналиль мы тебя, сподвижникъ нашъ!
Знали! — слышишь тоны жалобны
Лиры нашея печальныя:
„Сколь онъ кропокъ былъ — звучишь она,
Сколь привѣтливъ, сколько ласковъ онъ,
Сколько вѣренъ связямъ дружества!..“

И любили! — погляди на насъ,
Какъ шеперь рукой дрожащею
Надъ тобой зажгли мы факелы!..
Съ блѣднымъ свѣтомъ ихъ — блѣднѣемъ мы;

И проводимъ! — миръ съ тобою брать!
Хоть и рано оставляешь насъ. . .

Успремляй же къ намъ взглядъ ангельскій
Съ береговъ отчизны нашей. . .
Ожидай насъ — мы не долго здѣсь
Поскипаемся, какъ странники. . .
Безъ приюта можноль жить тому,
Кто родился для безсмертія?..

Други! поклянемся прахомъ симъ:
Что могила, гдѣ почѣетъ онъ,
Будетъ намъ урокомъ вѣрности;
Что тропа, къ нему ведущая,
Никогда правой высокою
Не успѣетъ зарости при насъ! . . .

Райдаровскій.

П а м я т и
С. А. Гринева.

Еще завяль цвѣтокъ прелестный,
Въ началѣ юныхъ дней своихъ;
И смерть не дрогнула ужасна
Скосивъ его своей косой!

Давноль сей юноша на свѣтѣ
Вкушалъ утѣхи жизни сей, —
Во цвѣтѣ младости блистая,
Роднымъ надежду подавалъ?

Гдѣжь скрылась живость днѣй весен-
нихъ?

Куда дѣвался свѣтлый взлядь? —
Онъ мершвъ, и на ланищахъ впалъ,
Явила смерть свою печаль! —

Всѣ прелести сей жизни скорой:
Богатство, слава и чины,
Всѣ радости и всѣ забавы,
Все, все исчезло для него!

Ничто плѣнить его не можтъ,
Ничто улыбки не сорветъ
Съ увялыхъ устъ его навѣки:
Онъ все земное позабылъ.

Но нѣтъ въ своей онъ долѣ щастливъ,
Избравши тѣсный уголокъ;
Оставилъ всѣ заботы міра
И поспѣшилъ вкусить покой.

Не узритъ больше, — не услышитъ,
Какъ бѣдные его друзья,

Вступая въ путь сей жизни трудной,
Начнушь завидовать ему.

Его душа простилась съ тѣломъ —
Симъ тяжкимъ бременемъ людей,
Быть можетъ зришь уже блаженство
Безвѣстно жителямъ земли.

И такъ прервемъ, друзья, стenanья;
Не перевозимъ милый прахъ
Сего отшельника любезна!
Онъ лучшее, чѣмъ мы избрали.

Н. Фраполли.

Ю н о ш а.

(Подражаніе Клопштоку.)

На берегу ручья склоненный
Въ приятну думу *Май* сидѣль,
Румянымъ ушромъ восхищенный
Съ улыбкой въ свѣшлый токъ глядѣль.
Внимая эху роцъ тѣнистыхъ,
И пѣнью сладкому въ лѣсахъ,
И шуму водъ межъ камней мшистыхъ,
Онъ нѣжился — заснулъ въ мечтахъ....

*

Возстала вдругъ ужасна буря,
Крушишь, ломаешь все и рвешь, —

Темнѣетъ свѣшлый сводъ лазуря,
Гуль дикій въ воздухѣ реветъ;
Борей свои удвоя силы
Верхи срываетъ твердыхъ скалъ —
И разпустивши страшны крилы
Землей и моремъ всколебалъ. . . .

*

А Май при ручейкѣ небрежно
Простершись сномъ спокойнымъ спитъ —
Мечтаетъ быть съ подругой нѣжной. . . .
Пускай вокругъ него шумитъ
Гроза, и вихрей страшны свисты,
И завыванія вѣтровъ;
Онъ нѣжась запахомъ душистымъ, —
Лишь съ Вечеромъ проснулся вновь.

*

Щастливъ, ты юноша безпечный,
Еще не зная жизни бѣды:
Ты зришь утѣхи безконечны,
Конца твоимъ забавамъ нѣтъ!
Но лучше въ мудрость углубляйся,
И лучше шествуй ей во слѣдъ!
Одною ею наслаждайся!
Не вѣчень — увядаетъ цвѣтъъ. . . .

Г. Шкларевичъ.

Орфей и Евридика.

(Изъ Виргиліевыхъ Георгикъ.)

(Пастухъ Аристей, сынъ Нимфы Цирены, лишившись своихъ пчелъ оставилъ Темпейскую долину и пошелъ къ матери узнать причину своего несчастія. Мать доставила ему средства проникнуть въ жилище морскаго Бога Протея, который открываетъ ему: что оскорбленный Орфей, коего вѣрную Евридику онъ преслѣдовалъ, навлекъ на него оныя бѣдствія; попомъ разказываетъ трагическую участь сихъ супруговъ).

Стремяся трепетна, гонимая тобой,
Супруга юная несчастнаго Орфея
Въ справѣ сокрытаго не зрѣла страшна
змѣя:

Безцѣнную жизнь ея похитилъ лютой ядъ!
Тогда горь на хребтахъ раздался вопль
Дрѣядь,

И застенали вокругъ пространныя пустыни,
Пангея вышины, Родопскія твердыни,
И чада Марсовы, жестокосердый Геть;

Померкла красота полей, увяль ихъ цвѣтъ;
Уныло Гебръ журча о ней повѣдалъ морю.
Орфей съ расшерзанной душой, предав-
шись горю,

Злощастную любовьлишь лирой облегчалъ,
Тебя, дражайшая супруга, воспѣвалъ
На дикомъ берегѣ; тебя, одинъ съ шоскою,
Тебя пѣлъ съ утренней, съ нечернею зарёю.

Тенара въ мрачный зевъ, въ Плушиновъ
грозный домъ,

И въ мрачномъ ужасѣ дебрь спящу вѣч-
нымъ сномъ

Проникъ любовію палящею томимый
Свирѣпаго Царя злой духъ, неукротимый
И чужды жалости хотѣлъ смягчить
сердца.

На томной лиры звукъ и сладкій гласъ
пѣвца

Подвигшись тѣни шли изъ нѣдръ Ерева
темныхъ,

Призраки мрачные отъ свѣта удаленныхъ.
Какъ стаи пшицъ, когда вечернеюль порой,
Иль устращенныя стремительной грозой
Слѣшаютъ съ полей подь кровъ густыхъ
дерева укрыться:

Такъ тѣней сонмъ спѣшилъ гармоньей на-
сладиться.

И въ тишинѣ неслись волнистою грядой
Супруги, витязи прославленны войной,
Невѣсты, отроки во цвѣтѣ лѣтъ сра-
женны,

Сыны предъ рождшими ихъ на костеръ
внесены.

Вкругъ нихъ порось простирикъ, и боло-
тистый иль

Коцита мрачный домъ отовсюду окружилъ.
Стихъс девять разъ вкругъ камины гни-
лая воды, —

И узниковъ на вѣкъ лишаетъ онъ свободы.

Замолкло Цербера трезвѣное жерло,
Смутился шаршаръ весь и преисподней
дно,

Шипящій Эвменидъ въ власахъ свистъ
прекратился,

Шаръ Иксионовъ сталъ, — спрадалецъ
изумился.

И одолѣлъ Орфей всѣ ужасы препонъ! —

Супруга шла во слѣдъ: но люмый, ахъ,
законъ:

„Не зрѣшь ему утѣхъ и слезъ своихъ при-
чину,

Пока не перейдетъ чрезъ адскую пучину!“
Желанный горній свѣтъ уже предъ нимъ
мерцалъ; —

Какъ вдругъ огонь любви всю кровь въ
немъ изволновалъ:

Вина простибельна, когдабъ прощашъ
умѣли

Подземные; забылъ . . . въ немъ чувства
цѣпенѣли,

Любовію влекомъ, на милую воззрѣлъ!..

Погибло все навѣкъ! онъ заповѣдь презрѣлъ!—

Три раза трескъ потрясъ Плутонову
обитель;

„Орфей, гласишь она, кто общій нашъ
губитель?

Увы, жестокая судьба влечешь опять;

Тьма, вѣчный сонъ глаза мои сомкнутъ
спѣшашъ;

Прости! въ глубоку мглу стремлюся,
успоаю,

Ахъ, не твоя къ тебѣ объятія простираю!“

Вѣщала—и какъ паръ сокрылася изъ глазъ;

Онъ тщетно ловить тѣнь и хочетъ слы-
шашъ гласъ;

И безотвѣщенъ вопль! шуманна хлябь
стенаешь,

Харонъ молящему путь грозно преграж-
даетъ.

Что дѣлать бѣдному? два раза рокъ сра-
зилъ.

Какой мольбой смягчить суровость ад-
скихъ силъ?

Блѣдна, уже неслась она въ ладѣ Спи-
тійской! —

Цвѣць седмь мѣсяцевъ стеналь въ спра-
нѣ Оракійской,

У водъ Спримоновыхъ подъ дикою скалой,
Въ пещерахъ и лѣсахъ его вторился вой; —
И тигры тронуты съ нимъ скорбь его
дѣлили,

И дубы горь съ вершинъ на лирной гласъ
сходили.

Такъ филомела дrevъ въ тѣни одна поеть,
Безчеловѣчїе жестокаго клянеть

Лишившаго ея пшеницъ неоперенныхъ;
Тоскуеть жалобно средь мраковъ повсе-
мѣстныхъ,

Сидя на вѣточкѣ она стенеть, вокругъ
Лѣетъ печальну пѣснь и ею полнить слухъ.
Спаль мертвъ ко прелестямъ любви и
Тименея,

Уединень, уныль, средь инеевъ Рифея

У Дона снѣжнаго, Иперборейскихъ льдовъ
Оплакивалъ свой рокъ и тщетный даръ
Боговъ.

Холодностью его Вакхански раздражи-
лись,

Въ часъ ночи, — Оргій въ часъ бѣгутъ,
остервенились

И члены юноши бросають на поляхъ!

И Гебръ когда носилъ главу его въ
волнахъ

Отъ выи снѣжныя жестоко отдѣленну, —
Горшанъ и кладныя уста звали безцѣнну,
Ахъ, Евридику самъ гласъ Евридику звалъ,
Брегъ Евридику, лѣсъ со стономъ повто-
рялъ.

П. Куницкій.

Разкаяніе.

О Дружба, Искренность священны!
Простите вздохъ сердечный (*) мой,
Упреки вамъ произнесенны
Моей прискорбною душой

(*) См. Украин. Вѣстникъ часть 2 я стран. 211 я.

Простите, я винна предъ вами!
Душой и сердцемъ, и словами
Сіе готова доказать:
Васъ нѣтъ — я въ мысляхъ представляла;
Но въ томъ ошибку я познала, —
Узнала, гдѣ васъ отыскать.

Вы — лучшее созданье Бога!
Въ сердца онъ тѣ васъ поселилъ,
Гдѣ своего престола чертога
Прямой любовью утвердилъ.
Въ отраду всѣхъ людскихъ страданій,
Въ замѣну тщетныхъ ожиданій
Вы, образъ тамъ являя свой,
Со щастьемъ каждого мирите, —
За скорби каждого дарите
Своей улыбкой, иль слезой.

И мнѣ, — хоть я васъ упрекала, —
Себя не запретили знать;
Я васъ изъ міра изгоняла, —
Но вы въ противномъ увѣрять
Меня лишь нѣжностью хотѣли —
И думаю, что въ томъ успѣли!
Я вижу, — правдой озарясь, —
Явилась Дружба неизмѣнна
И Искренность нелицемѣрна,
Въ прелестномъ видѣ поселясь.

О Дружба, Искренность священные!
Внемлите сердца вы обѣтъ:
Что души вами просвѣщенные
Моей составлятъ жизни свѣтъ;
Что буду васъ искать стараться,
Вамъ въ слѣдъ итти, во всемъ вѣряться,—
Для васъ спокойства нещадить;
Того, кто васъ въ себѣ имѣетъ —
Кто вами обладаетъ умѣетъ,
Того душевно вѣкъ любить!
Любовь Кричевская.

Рондо.

Ө. А. П—ну.

Въ слѣдъ истинны идешь, кто добро-
дѣтель любить, —
Ни зломъ, ни клеветой кто и враговъ не
губить;
Кто пользу ближняго какъ и свою блю-
дешь, —
Всякъ скажешь, что такой въ слѣдъ истин-
ны идешь.
Въ слѣдъ истинны идешь, кто Вы-
шняго боится,
Въ комъ зависть къ ближнему на сердцѣ
не гнѣздится, —

Кто добродѣтельно всю жизнь свою ве-
детъ, —

Тотъ безъ сомнѣнiя въ слѣдъ истинны идетъ.
Въ слѣдъ истинны идетъ, кто долж-
ность вѣрно правитъ, —

Душею ни въ какихъ дѣлахъ кто не лу-
кавитъ ;

Заслугамъ должное во время отдаетъ ;
Караемъ кто порокъ, — въ слѣдъ истин-
ны идетъ. —

Въ слѣдъ истинны идетъ, кто добрыхъ
защищаетъ, —

Чего не дасть кому, того не общаетъ ;
Безъ прозвбъ вдовица въ комъ въ бѣдахъ
покровъ найдетъ, —

Безпрекословно тотъ въ слѣдъ истинны
идетъ. —

Въ слѣдъ истинны идетъ, кто вѣритъ
несомнѣнно,

Что П—нъ намъ покровъ и счастье непре-
мѣнно ;

Что истиннѣ онъ другъ, что къ славѣ
насъ ведетъ, —

И намъ предшествуя въ слѣдъ истинны
идетъ.

Степанъ Юшковъ.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Общество Благотворенія.

О т ч е т ъ

*Совѣта Харьковскаго Общества Благо-
творенія
за V годъ.*

Пятый разъ уже Совѣтъ Харьковскаго Общества Благотворенія, исполняя обязанность свою по Правиламъ освященнымъ Высочайшимъ утвержденіемъ, имѣеть щастіе представить почтеннѣйшему Собранію отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Начальныи не находитъ ничѣмъ приличнѣе, какъ извѣщеніемъ: что Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ удостоилъ, Своимъ Высокимъ повѣщеніемъ Институтъ дѣвицъ отъ Общества устроенный; что ошастливилъ его Своимъ обозрѣніемъ во всѣхъ подробностяхъ и что — къ усугубленію вашей чести, почтеннѣйшее Дворянство Слободско - Украинской Губерніи, изволилъ из-

рѣчь: „Я подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ предѣлахъ просторной Россіи не находилъ еще, — И кто изъ насъ, почтеннѣйшіе сочлены! не сочтешь точно увеличенною чѣсть свою симъ лестнымъ одобреніемъ, симъ высокимъ отзывомъ Брата Августѣйшаго Государя нашего? Кто не приведетъ себѣ на мысль, — что симъ заведеніемъ каждый, удѣляя небольшую частицу отъ своего имущества, стремится подражать въ величайшей изъ добродѣтелей — не подражаемому въ благошвореніи Монарху нашему? Велѣніе ли Его, впрочемъ всегда свято чтимое — съ благговѣніемъ исполняемое, — велѣніе ли Его положило начало сему Обществу? — Нѣтъ. Одно Его узнанное ожиданіе, одно Его соизволеніе воодушевило насъ, воспламенило рвеніе приступить къ исполненію желаній небесной души Его! — Ипакъ, если кто изъ благороднаго сословія нашего Дворянства представитъ все сіе живо въ умѣ своемъ; то не возможно кажется, чтобы не возжелалъ быть участникомъ великой чести — раздѣлять святыя жела-

нїя своего Государя, вспомошествова спра-
ждающему челоѣчеству. Тѣмъ болѣе ка-
жется не возможно, что бы спяжавъ имя
благодѣателя — имя всѣхъ славнѣй-
шее — уклонился потомъ и признался
предъ всѣми: что благодѣаніе ему чуж-
до, что онъ послѣдовалъ только минуш-
ному побужденію, тщеславію, ожиданію
пустыхъ выгодъ! Не возможно, что бы
такой сложилъ съ себя предъ всѣми
нами званіе благодѣателя — украшающее
даже и самое благороднѣйшее Дворянское
званіе; чтобы ошдѣлился отъ Общества,
коего глава есть Монархъ нашъ — не позва-
нїю Своему принявшій на себя учрежденіе
оного, но по чувствамъ великой души
Своей! Не возможно кажется, чтобы та-
кой слышалестное одобреніе Августѣй-
шаго Брата Его, одинъ сказалъ только
вопреки: — „я не участвую въ семъ за-
веденїи!“, Но если бы — сколь ни
прискорбно сказать даже условіе сіе —
если бы нашелся среди насъ таковой;
то честь челоѣчества заставила бы умол-
чать о немъ, или по крайней мѣрѣ упавъ
имя сказать только: обстоятель-

ства жизни, не всегда въ волѣ нашей состоящія, принудили одного изъ Членовъ оставить Общество. . . . Но да не скажетъ мыслящій человѣкъ, что безусловно на свѣтѣ ничто не должно быть — а тѣмъ болѣе Общество, коего началомъ была добрая воля. Конечно, есть условія, — по коимъ Членъ можетъ отдѣлиться отъ сего Общества и безпогрѣшительно т. е. когда заведеніе сего Общества не соотвѣтствуетъ его намѣренію, не достигаетъ предположенной цѣли, когда въ храмѣ благошворенія — не будетъ благошворенія; тогда конечно, не только одинъ Членъ или нѣсколько могутъ отдѣлиться, но и все общество должно рушиться. А когда заведеніе сіе, устроенное для образованія юныхъ дѣвицъ, находится въ наилучшемъ порядкѣ; когда одобрено всѣми почитателями вообще и наконецъ ошачствлено вниманіемъ Его Высочества; когда мы имѣли утѣшеніе слышать изъ устъ Его, что Онъ будетъ ходатайствовать у Августѣйшей Матери всѣхъ сирыхъ, — дабы Она благоизволила принять сіе заведеніе въ высокое Свое по-

ровишельство, даровала бытіе на всегда сему училищу; то ежели послѣ сего кто нибудь отречется отъ обѣщанія своего платить ежегодно по 25 руб.—имя такового по всей справедливости должно быть изглажено изъ числа Членовъ нашего Общества.

Впрочемъ, и за уклоненіемъ нѣкоторыхъ отъ благотворенія, число Членовъ нашего Общества все еще при другихъ пособіяхъ будетъ велико и достаточно для цѣли вспомошествованія бѣднымъ: кромѣ Именитыхъ Членовъ, въ нашей Губерніи платящихъ исправно обѣщанную сумму щитаются до 49-ти. Въ Черниговской Губерніи неутомимымъ стараніемъ тамошняго корреспондента Г. Губернскаго Прокурора Г. И. Бажанова платящихъ Членовъ щитаются 30-ть, въ Екатеринославской 7. въ другихъ разныхъ Губерніяхъ 5.

Его Сіятельство Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, извѣстный въ Отечествѣ нашемъ своими великими вспоможеніями несчастнымъ, здѣлалъ честь нашему сословію пожелавъ быть членомъ

онаго взнося ежегодно по 300 руб. За та-
 ковое пожертвованіе признанъ онъ отъ
 Совѣща *Именитѣльнѣ Членомъ*; одинъ изъ
 воспитанниковъ нашихъ, Дворянинъ Фи-
 липьевъ, за прилѣжность и успѣхи въ нау-
 кахъ удостоился получить званіе *воспи-
 танника Графа Каменскаго*, — коему бла-
 годѣтель его доставилъ еще 200 руб. на
 книги, инструменты и другія необходимыя
 для него вещи. Портретомъ Его Сіятель-
 ства украшается зала нашихъ собраній.
 Здѣсь сіяетъ также и драгоцѣнный для
 всѣхъ Россіянъ образъ неподражаемаго въ
 способѣ благотворить, прославляемаго
 всеми бѣдными, человека — Гражданина,
 Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника
 П. Г. Демидова, — ревностнѣйшаго на-
 шего Члена, — который и въ сей годъ,
 кромѣ назначенной суммы 1000 руб. до-
 ставилъ еще въ Совѣщъ столько же, здѣ-
 лавъ имъ назначеніе свойственное чело-
 вѣколюбивому его сердцу; портретъ его
 къ неизъяснимой радости воспитывающих-
 ся здѣсь сиротъ, полученъ также въ нынѣш-
 нямъ годѣ. Юные оспрали великодушныхъ
 и славныхъ Россіянъ, взирая въ храмъ

благотворенія на изображенія своихъ благотворителей, чувствуютъ кромѣ благодарности и любви — кромѣ новыхъ силъ въ себѣ и рвенія успѣть въ наукахъ, — они чувствуютъ еще и возникающее стремленіе подражать симъ великимъ мужамъ естли не въ ихъ великихъ дѣянїяхъ, — по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобъ нѣкогда быть полезными для своего Отечества по своимъ силамъ.

Въ семь году поступило вновь:

Дѣйствительныхъ Членовъ, или заплашившихъ вмѣсто ежегоднаго взноса весь капиталъ единожды:

	руб.
1. Волосскій бывшій Виспїарій, Графъ Стефанъ Ваккарески - - -	250
2. Инженеръ Подполковникъ и кавалеръ, Федоръ Тимоѳеевичъ Машуринскій - - -	250
3. Изюмскаго уѣзда Корреспондентъ Маіоръ Иванъ Ильичъ Гиржевъ -	250
4. Тогожъ уѣзда помѣщикъ Поручикъ Александръ Осиповичъ Кишинскій - - -	250

руб.

5. Екатеринославской Губерніи помѣ-
щикъ, Капитанъ, Павелъ Андрѣевичъ
Янченковъ - - - 250

Платящихъ ежегодно членовъ,

По здѣшней Губерніи :

1. Харьковскаго Коллегіума Пріфектъ,
Павелъ Николаевичъ Рейпольскій - 25
2. Сумскаго уѣзда помѣщикъ Маіоръ
Иванъ Евграфовичъ Смагинъ - - 25

По Черниговской Губерніи :

3. Маіоръ Федоръ Даниловичъ Ширай 100
4. Александра Васильевна Глѣбова - 25
5. Прасковья Григорьевна Галаганова 25
6. Иванъ Петровичъ Забѣла - - 25
7. Михайло Петровичъ Геевскій - 25
8. Стефанъ — — — Лашкевичъ - 25
9. Курской Губерніи помѣщикъ Ми-
хайло Андрѣевичъ Борщовъ - - 25
10. Екатеринославской Губерніи по-
мѣщица Подполковница Марья Алек-
сандровна Депрерадовичева - - 25

О суммѣ ежегодной.

Въ печеніи сего года поступило въ
ежегодную сумму:

- Отъ Членовъ за 1816 годъ - - 2550

руб.

— — за 1815 годъ - - - 1250

Получено недоимки:

за 1813 годъ - - - 50

за 1814 — - - 325

И того отъ членовъ — 4175

Отъ своекоштныхъ пансіонерокъ воспитывающихся въ Институтѣ - 4145

Процентныхъ за отдачу въ заемъ капиталала, подъ залогъ вещей - - 180

Всего въ приходѣ — 8500

Сумма сія по Правиламъ Общества употребляется на вспоможеніе бѣднымъ. Преимущественно же благотвореніе обращается на сѣмейства Дворянъ, неимѣющихъ способовъ доставить образованіе дѣтямъ своимъ по причинѣ недостаточнаго состоянія.

Съ начала утвержденія Общества таковыхъ воспитанниковъ было болѣе 20 ти. Нынѣ же за недостаткомъ суммы, Совѣтъ имѣетъ ихъ только 8-мъ. Прочіе всѣ опредѣлены уже на службу Государственную, — и въ семь году отправленъ одинъ изъ таковыхъ, носившій званіе воспитанника *Демидова*. При отправленіи

выданы ему слѣдовавшіе на часть его 215 руб. изъ суммы вносимой благотѣтельнымъ Демидовымъ въ пользу своихъ воспитанниковъ. Жизнодательнымъ поощреніемъ челоѣколюбиваго Монарха нашего, Дворяне имѣютъ много способовъ дать въ различныхъ училищахъ образованіе сыновьямъ своимъ; но дочери ихъ, особливо изъ бѣдныхъ семействъ, не имѣютъ никакихъ способовъ получить воспитаніе приличное ихъ званію. Правительство издерживаетъ несмѣтныя суммы на заведенія основанныя въ обѣихъ столицахъ для великаго множества дѣвицъ; но и таковыя издержки еще не достаточны для обширнаго нашего Государства. Итакъ — кому же какъ не первому, просвѣщеннѣйшему классу людей въ Государствѣ, кому же какъ не Дворянству должно подражать и сообразоваться благотѣтельнымъ намѣреніямъ Монарха своего, — жертвовать имуществомъ на заведенія подобныя Государственнымъ заведеніямъ? — Дворянство наше въ планъ сего Общества не упустило образъ вниманія на толико существенное

благотвореніе и основало училище по
цѣли и намѣренію своему единственное
въ Губерніяхъ Россіи. Посредствомъ се-
го заведенія благотворенія разливаются
во многочисленные потоки. Дѣвица по
званію своему имѣющая право на лучшее
образованіе, но лишенная онаго по при-
чинѣ несчастныхъ обстоятельствъ по-
стигшихъ ея родителей и чрезъ то дол-
женствующая получить въ удѣлъ вѣчное
незнаніе обязанностей своихъ, недопущеніе
къ обществу подобныхъ себѣ, нищен-
ству, праздноствію совѣсти пагубными ея
послѣдствіями, — таковая дѣвица нахо-
дится себѣ здѣсь надежный, благопріят-
ный кровъ. Она призрѣна, обучена всѣмъ
нужнымъ для нея наукамъ, наставлена въ
правилахъ добродѣтели, получила спра-
ведливое понятіе о вредѣ праздноствія, —
и имѣетъ уже надежное средство не
только избѣгать ее, но въ случаѣ нужды
трусами своими снискивать себѣ пропи-
таніе и не быть никому въ тягость.
Окончивъ предположенное воспитаніе, вы-
ходитъ она въ домъ богатаго помѣщика
обучать дочерей его; все что здѣсь полу-

чила для ума и сердца — раздѣляетъ съ другими, разпространяетъ истинно Русское воспитаніе, основанное какъ было въ старину у предковъ нашихъ — на святомъ законѣ, на благочестіи и чистѣйшей добродѣтели; и послѣ сего точно можно сказать, что она въ свою очередь и въ посредственномъ состояніи, дѣлается благотворительницею. Выходитъ изъ Института одна дѣвица; на мѣсто ея снова опредѣляется другая для той же цѣли — и такимъ образомъ цѣль благотворенія не прерывается, источникъ его разливается въ тысячи протоковъ разносящихъ по всюду пользу!

(Продолженіе въпредъ.)

Р Ъ Ч Ъ,

Говоренная при погребеніи (*) Кандидата
ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета Стелана Алексѣе-
вича Гринсва.

Исполняя послѣдній — печальный долгъ
братству и приязни, имѣю случай бесѣ-
довать съ вами, Пп. Сс.!

Но — когда сердце исполнено ра-
дости, тогда тысячи вдругъ являющся
предмѣтовъ къ бесѣдѣ и языкъ выражает-
ся велерѣчиво: когда же горестъ тяго-
титъ сердце; то нѣтъ ничего труднѣе,
какъ найти предмѣтъ слова. Смущен-
ныя мысли приходятъ и, исчезаютъ мгно-

(*) Сія печальная церемонія совершена 16 Октября.
Нѣсколько членовъ Университета и всѣ студен-
ты сопровождали гробъ до кладбища; тамъ опу-
стили въ землю соотрудника своего. Ему опъ ро-
ду было только еще 22 года; онъ имѣлъ доста-
токъ, былъ единственный сынъ у престарѣлой
матери, — и смертію своею пресѣкъ всѣ для
нея радости въ жизни. Тѣмъ болѣе сразило ее
нечасіе, что она ждала съ нимъ увидѣться, —
и не застала даже печальной церемоніи погребенія
сына своего.

венно, — умъ затрудняется въ выборѣ ихъ и остается въ бездѣйствіи, — языкъ ищетъ словъ къ выраженію смущенныхъ мыслей и не находитъ. Таково теперь мое положеніе!

Вотъ бранный остатокъ нашего товарища за нѣсколько дней дѣлившаго съ нами жизнь, — и во цвѣтѣ лѣтъ, среди надеждъ къ счастью оставившаго свѣтъ сей! Кто не пожалѣетъ молодости, посреди довольства едва развернувшейся и увядающей? Но къ чему послужить наше сожалѣніе? Воскреситъ ли оно умершаго? Вотъ человекъ, котораго жизнь составляла радость и счастье для родныхъ и друзей и который смертію своею разрушилъ всѣ ихъ надежды! Изчисленіе достоинствъ его теперь было бы не лишно; но изчисленіе достоинствъ не увеличитъ ли цѣну потери, для родныхъ и безъ того уже несносной? — Да и похвалы нужны имъ только, кто пользуется жизнью; а за симъ предѣломъ — за гробомъ они во все бесполезны. Вотъ разительный примѣръ нашей бренности, ясное доказательство нашего назначенія — *отъ*

земли бытъ взятымъ и обратиться опять въ землю! Кто храднокровно представитъ сѣ въ умѣ своемъ? И какое ощущеніе должно произвести въ сердцѣ сѣ представленіе; приятное или неприятное? Это кажется заслуживаетъ больше всего наше вниманіе. Не надѣюсь сказать что нибудь для васъ новое о семъ предметѣ или въ необыкновенныхъ выраженіяхъ; и самое повтореніе мыслей не посмѣю обратиться къ Вамъ Пп, Сс., кои можете быть больше ихъ чувствуете, нежели я: но исполню только, какъ сказалъ, симъ послѣдній долгъ къ нашему любезному собрату.

Рѣдкій день проходитъ безъ того, что бы мы не слышали гласа смерти, — что бы не были зрителями жертвъ ея пораженныхъ; и между тѣмъ — странно! никакъ не можемъ примириться съ мыслію о смерти! — Часто намъ случается провожать кого-нибудь отходящаго отселѣ въ вѣчность; и что же? смутно только представляются намъ вопросы: куда онъ отходитъ? что значить смерть его? что будетъ съ нимъ послѣ сего?

Опускаемъ въ землю предмѣтъ родившій въ насъ сіи вопросы, — и мало по малу забываемъ его — себя, начинаемъ жить — какъ прежде жили. Приходитъ намъ чреда, — и тоже дѣлають послѣ насъ остающіеся! Но рассмотримъ внимательнѣе и справедливѣе: такая безчувственность можетъ ли быть отличительною чертою человѣка предъ прочими тварями, — человѣка существа, для котораго по бытописаніямъ вся вселенная нами видимая воззвана изъ ничтожества, который удостоенъ носить на себѣ образъ и подобіе Всесоздавшего? — Не тоже ли дѣлають всѣ бесловесныя животныя? — Итакъ чувство проникающее за предѣлы жизни, чувство безсмертія составляетъ всё наше отличительное достоинство.

Мы любимъ жизнь; — и кто противурѣчитъ тому, что она имѣетъ для насъ много приятностей, много блаженства привлекающаго — очаровывающаго нашу чувственность? Мы любимъ жизнь, — но сія любовь не даетъ кажется, или не должна подавать ни малѣйшаго повода думать, будто въ сей жизни только иза-

ключается всё наше блаженство: ибо во-первыхъ и она сама не состоитъ въ нашей волѣ; и потомъ, всякой видѣль и испыталь, — что бѣдность часто бываетъ удѣломъ цѣлой жизни, что избѣжавъ бѣдности пострадешь отъ припрѣсенія сильнаго, что и сильныхъ сильнѣе болѣзнь что кто самъ наслаждается всегда здоровьемъ — тотъ не можетъ удалить болѣзни отъ всѣхъ имъ любимыхъ, что хотя бы болѣзнь была и для всѣхъ избѣжима — то неизбѣжна смерть. Ипакъ самая любовь сѣя къ жизни должна руководить мысль къ безсмертію: кто наслаждается блаженствомъ, тотъ чувствуетъ непреоборимое желаніе — продолжить навсегда сѣе блаженство. И точно — смерть не есть прекращеніе, уничтоженіе, — а только переходъ изъ одной половины жизни въ другую, какъ увѣряютъ насъ мудрые! —

Когда же безсмертіе составляетъ всё наше достоинство, и чувство о немъ не должно быть чуждо сердцу нашему; то тѣмъ менѣе примѣры нашей бренности должны производить въ насъ непріятныя

ощущенія. Мнѣ кажется: кто прово-
жаетъ переселяющагося изъ свѣта въ
другой, тотъ живо представляетъ въ
умѣ своемъ — что и онъ нѣкогда непре-
мѣнно долженъ будетъ опуститься въ
землю; по чему ниодно неприятное вне-
пашлѣе не тревожитъ его, — онъ узналъ,
какъ только сталъ знать себя, что уме-
реть необходимо и безпрестанно зна-
комился съ сею мыслию. Мнѣ кажется
что и того, кто видѣлъ только блага на
землѣ а не наслаждался ими, — какое-
то внутреннее чувство увѣряло: ны
чрезъ смерть получишь блаженство, въ
коемъ тебѣ здѣсь отказано было. Мнѣ ка-
жется припѣняемый и гонимый, кому не
только не воздавали должнаго, но и
всего лишали, — кому несчастія были
неотъемлемыми спутниками, — мнѣ ка-
жется и отъ такого человѣка надежда, по-
казуя за предѣломъ жизни блаженный свѣтъ,
удаляла всегда отчаянїе и онъ шелъ, онъ
спѣшилъ къ смерти — какъ къ цѣли пути
своего. Мнѣ кажется и для щастливца на
землѣ, — коего жизнь стекались услаждать
всѣ удовольствїя, чести окружали, удачи

Во всемъ всегда составляли его дѣятельность, — мнѣ кажется и для такого человѣка блаженство увеличивалось мыслію: съ жизнію своею оно не кончится; часть одна существа своего переселится совѣмъ своимъ щастіемъ въ другую некончаемую жизнь; — и онъ смотрѣлъ весело на гробы, какъ на знаки своего безсмертія. Таково должно быть ощущеніе при воззрѣніи на примѣры нашей бренности! —

Но всякой кажется чувствуетъ, что картина ощущеній мною представленнаго есть чистый идеалъ — и спросить необходимо: такъ, это должно быть — конечно; но бываетъ ли это всегда? — Я долженъ признаться, что или никогда или очень рѣдко; что обыкновенное возклинаніе при воззреніи на смерть намъ подобныхъ есть: о смерть! какъ горько мнѣ вспоминать тебя!! — Отъ чегожь такое въ насъ разногласіе между тѣмъ, что быть должно — и тѣмъ, что случается? — Отъ различія нравственныхъ нашихъ поступковъ! Кто измѣняетъ цѣль нашего существованія — цѣль назначенную намъ Творцемъ блаженствовать

вездѣ и всегда? Порочная жизнь! — Не можѣло опровергать мнѣнія лжеумствователей, уничтожающихъ различіе добра и зла, различіе наградъ и наказаній; объ этомъ столько писано, столько говорено, — что въ справедливости этого не согласится одно только упорство человѣческое. Такъ, одно упорство! Бываль ли человѣкъ на свѣстѣ, который бы всегда страдалъ и хоть на одну минуту не имѣлъ радостей? Бываль ли другой, который бы всегда блаженствовалъ и также не чувствовалъ ни малѣйшаго огорченія? — Слѣдовательно различіе добра и зла всякой позналъ опытомъ. Когдажъ есть между ними различіе; то есть различіе между наградами и наказаніями. И вотъ откуда произтекаетъ неприятное чувство при воззрѣніи на умирающихъ сочеловѣкъ нашихъ: порочный человѣкъ всегда имѣетъ какія нибудь добродѣтели; вѣчная Правда никогда никакой добродѣтели не оставляетъ безъ наградъ, — слѣдовательно и порочный человѣкъ награжденъ щастіемъ въ этой жизни. Но царство правды начинается за предѣлами

сей жизни; человекъ порочный чувствуетъ это — и смотря на смерть видитъ свое опредѣленіе, — видитъ и трепещетъ! Жизнь своими разнообразными удовольствіями — перемѣнами можетъ заглушить въ немъ страхъ наказанія за порочность; но смерть пробуждаетъ совѣсть его, удаляетъ отъ сердца всѣ удовольствія — и сердце трепещетъ! — Сія истинна — что приятное или неприятное ощущеніе при возрѣніи на смерть происходитъ въ насъ отъ добродѣтельной или порочной жизни нашей — сія истинна еще яснѣе бываетъ въ человекѣ добродѣтельномъ. Конечно всякой изъ насъ знаетъ, кто такой есть добродѣтельный, — конечно доставалось видать намъ его, какъ бы порочность наша ни старалась очернить такое существо для облегченія себя. Каковыжъ чувства добродѣтельнаго при возрѣніи на смерть? о! самыя утѣшительныя! — Человекъ и добродѣтельный не можетъ быть во все изыскъ пороковъ; и таже вѣчная Правда, награждающая порочнаго за небольшія добродѣтели щастіемъ въ сей жизни, наказуетъ добродѣтельнаго за малыя здѣсь его

пороки: слѣдовательно на смерть, за которою начинается вѣчная жизнь для него, смотришь онъ какъ на врага опровергающія входъ ему въ райское блаженство. Смерть прекращаетъ только жизнь тѣла и утѣхи чувственныя; но душа — бессмертное существо — уноситъ съ собою отселѣ всѣ свои наслажденія. И поелику чувства приятныя или неприятныя суть дѣйствія души также; то душѣ добродѣтельной и при возрѣнїи на смерть другихъ свойственно выражаться не въ опечаленїи, а въ сладкомъ только унынїи.

Часто обвиняютъ суровость добродѣтели, — которая будто бы отрицаетъ всѣ наслажденія сей жизни, съ которою будто бы не совмѣстно щастїе наше здѣсь. О нѣтъ! она не только совмѣстна со щастїемъ; но еще и украшаетъ его собою: просто ли богатый, знатный, славный человекъ, — или богатый, знатный, славный и вмѣстѣ добродѣтельный предпочтительнѣе въ глазахъ даже обыкновенныхъ людей? — Слѣдовательно можно наслаждаться жизнью — и безъ ужаса смотреть на смерть!

Но я долженъ кончить свое слабое
разсужденіе; и оканчиваю въ увѣренности,
что не ужасъ и уныніе, а пріязнь возбу-
ждаетъ въ насъ сей оставившій насъ по-
варищъ - другъ нашъ. Похвалы наши —
для него бесполезны, — сѣтованія наши —
для насъ; остаются только одни мольбы,
чтобы новая жизнь нашего собрата была
для него цѣпью непрерывнаго блажен-
ства. — По крайней мѣрѣ, — будутъ ли дѣй-
ствительны для тебя, любезный товарищъ -
другъ! наши желанія или нѣтъ, — по
крайней мѣрѣ то вѣрно, что ты пересе-
ляешься въ страну, куда бури бѣдъ и
страшей не доспигаютъ, гдѣ царству-
ютъ покой и тишина; по крайней мѣрѣ
справедливо то, что для тебя теперь
завѣса неизвѣстности будущаго упала и
ты можешь быть сожалѣешь о нашей су-
щности, что мы не безъ слезъ опускаемъ
тебя въ землю.

Е. Филомавитскій.

Къ Издателямъ. ()*

Надосугѣ расскажу Вамъ о празднествѣ, которое видѣлъ я недавно. Это было въ мѣстечкѣ Водолагахъ. — 10я Артиллерійская бригада Полковника М—ка дѣлала практическое ученье въ присутствіи своихъ Генераловъ. Много было зрителей, въ томъ числѣ дамъ. По окончаніи же военныхъ заботъ Полковникъ М—ко съ камарадами угощаль всѣхъ посѣщителей. — Небольшой, впрочемъ уютный домикъ, гдѣ надлежало быть пиру сему, немогъ помѣстити всѣхъ съѣхавшихся на сей случай. Но для Рускаго воинства нѣтъ затрудненій! Рече — и явился простран- ный залъ; повелѣ — и онъ украсился фестонами зелени, гирландами и вѣнками цвѣтшыхъ. Зала сія, составленная изъ наметовъ, примыкала къ балкону дома и слѣдственно соединена была съ комна-

(*) Издатели просятъ извиненія у нѣжныхъ Читательницъ, что рядомъ встрѣчатъ онѣ въ ихъ Журналѣ погребеніе — балъ. Конечно это странность; но много ли страницъ и въ жизни нашей, на которыхъ бы печаль не видна была подлѣ радости?

ми. Обѣденный столъ, приготовленный въ этой залѣ на 60 приборовъ, продолжался до 6 часа. Кромѣ отличнаго угощенія, обязательна была привѣтливость Полковника и господъ Офицеровъ его Бригады, которые сами здѣсь прислуживали. Учтивство и предупредительность — вѣрный знакъ благовопитанія, образованности — какъ извѣстно, всегда отличали Офицеровъ артиллерійскаго корпуса.

Вечеру, всѣ отправились на мѣсто, гдѣ приготовленъ былъ фейерверкъ. Къ совершенному удовольствію зрителей онъ соженъ весьма удачно. Перемѣны не были слишкомъ многочисленны, за то отличались выборомъ и искусствомъ. При окончаніи потѣшныхъ огней вдругъ загрѣмѣла артиллерія — и въ то же мгновеніе загорѣлся вензловый щитъ Государя ИМПЕРАТОРА.

Въ 9 часовъ вечера открытъ балъ. Тутъ-то, при свѣчахъ, украшенія залы имѣли ошмѣнный видъ! Дубовые фестоны и гирлянды цвѣтовъ, освѣщаемые яркимъ блескомъ огней, прельщали глаза гармоническою смѣсью своихъ ошмѣнковъ. Танцовали за полночь... танцовали бы

гораздо болѣе; но внезапное приключеніе разстроило всю диспозицію будущихъ кадрили, мазурокъ и экосесовъ. — На столбахъ, обвитыхъ зеленью, листья въ продолженіи дня нѣсколько обсохли; догорѣвшая свѣча на одномъ изъ столбовъ сихъ, по неосмотрительности служителей, склонилась къ вѣтвямъ. Между тѣмъ какъ глаза всѣхъ обращены были на танцующихъ — вдругъ увидѣли пламя. И — какой тревоги надѣлало нечаянное явленіе сіе! . . . Дамы густою колонною побѣжали въ комнаты. Хотя не было ни малѣйшей опасности; но не такъ-то скоро успокоишь ихъ въ такомъ случаѣ. Забавно между прочимъ, какъ почтенные старички, давно уже отвыкшіе отъ скорыхъ раз, въ это время пустились изъ залы во весь шагъ. — Въ нѣсколько секундъ огонь потушенъ — и за ужиномъ происшествіе сіе, со множествомъ маленькихъ анекдотовъ своихъ, было предмѣтомъ общихъ разговоровъ.

Такимъ образомъ праздникъ Артиллеріи началъ и конченъ истинно по Артиллерійски — огнемъ. Ц.

Милостивые Государи!

Журналы суть такіа періодическія сочиненія, въ которыхъ обыкновенно оцѣниваютъ разныя произведенія литературы. По большей части это право присваиваютъ себѣ сами Гг. Журналисты; отвѣты же на ихъ рецензїи не всегда появляются—вѣроятно потому, что какъ не соответственные или плану или слогу Журнала бывають отвергаемы. Такимъ образомъ большая часть Публики по молчанію обвиняемой стороны судить по сужденію рецензентовъ. Но какъ Гг. Журналисты — рецензенты всегда украшаются именемъ безпристрастныхъ критиковъ; то кажется не должны бы изгонять отъ своихъ изданій или своихъ собратовъ никакихъ отвѣтовъ. Уповаю что почтенные Издатели Украинскаго Вѣстника поступятъ иначе и напечатають при семъ прилагаемый мой отвѣтъ. Ибо ежели уже публика читаетъ переведенную мною

книгу шоль важнаго по содержанію достоинства; шо непременно и должна узнать о всемъ томъ, что относится до изданія книги и рецензїи на оную.

Честъ имѣю бытъ съ отличнымъ моимъ почитаніемъ и преданностію,

Милоспивые Государи,

вашимъ

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Корнеліусъ.

15 Сент. 1816 года.

Александрія.

Отвѣтъ на критику Рускаго Библиографа.

„Мученики или торжество Христїанской вѣры. Соч. Шатобрїана, переводъ Александра Корнеліуса. М. 1816. въ Тип. Селивановскаго, въ 8. 3 части: въ 1й 290, во 2й 275, а въ 3й 271 стр., „Покорно благодарствую Г. современника руской Библиографїи за точное изчисленіе страницъ во всѣхъ трехъ частяхъ! Г. Библиографъ сдѣлавши такое начало, думаетъ

надобно, возхищался уже заблаговременно собственной остротою ума, которая въ семь случаев досталась ему въ наслѣдство отъ издателя Московскаго Меркурія. Но подѣ перомъ сего послѣдняго изчисленіе страницъ въ пустыхъ какихънибудь книжкахъ набитыхъ (однимъ вздохомъ, въ самомъ дѣлѣ было довольно смѣшно. Здѣсь же счетъ страницамъ и самъ Библіографъ не знаетъ для чего поставилъ: *supra script esse homo!*

Итакъ наконецъ и Шатобріану досталось; и Шатобріанъ у Г. Библіографа чинилъ непыщенности и галимашьи! О естли бы когданибудь Г. Современному случилось вступить въ слѣды Шатобріана, тогда бы блаженный Скюдери не потѣлъ столько; тогда слеза и улыбка были бы всегдашней его неотъемлемою наградою! Знаетъ ли Г. Библіографъ, чѣмъ одолжена Шатобріану Французская словесность?

По примѣру достославныхъ Рецензентовъ и здѣсь слѣдуютъ сей часъ ругательства: на пр. „трудно найти книгу, которая была бы переведена такимъ на-

душымъ слогомъ, безполковымъ, неправильнымъ,, Вотъ и доказательство: „Призову дидерей памяти (вмѣсто Мнемозины),, У Шатобріана въ предисловіи поставлено: *filles de Memoire*. Ему, т. е. Шатобріану, извѣсны древніе языки, съ коихъ онъ умѣетъ переводить на свой. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: *filles de Memoire*, а въ другомъ *filles de Mnemosine*; ему Шатобріану какъ знающему Греческій языкъ переводить такимъ образомъ не казалось странно. Подобно тому и переводчикъ также написалъ въ предисловіи какъ выше сказано; а на 98 стр. 1 час. такъ: „О дидери Мнемозины, коимъ пріяны дѣла Олимпійскіе.,, Опало и до толкованія И Библіографа было это таинство извѣстно переводчику. Потомъ Библіографъ удивляется, что „Платонъ дѣйствовалъ количествомъ поэзіи, какъ колесницею возносящею къ небесамъ.,, Развѣ Г. Толкователю неизвѣстно, что есть поэзія тоническая и количественная? За симъ слѣдуютъ замѣченныхъ два или три солецизма, кои суть ошибки Корректора, который между прочимъ постарался такъ

изуродовать мой манускриптъ, что я по-
луча первые печатные листы испугался
новаго ихъ преобразованія; для чего про-
силъ издашеля моего перевода Г. Свѣшни-
кова пояснить всѣ тѣ непростительныя
ошибки, что и сдѣлано въ экземплярахъ
мною полученныхъ (ибо не за деньги пере-
водилъ), но въ тѣхъ экземплярахъ, кото-
рые поступили въ продажу, ни объ одной
погрѣшности не знаю почему не упомяну-
то. Еще Г. Библиографъ наставилъ во-
просительныхъ знаковъ, огражденных
дуговидными скобками и изкосилъ нѣ-
сколько словъ и реченій, по коимъ я ни-
чему не научился. А по глубокому своему
знанію старой и новой русской лифера-
туры, такъ же по опличному вкусу въ
сей послѣдней, что видно изъ его слога,
который всего лучше можно уподобить
чорствому куску никакъ нелѣзущему въ
глотку, пожаловалъ меня въ Тредьяков-
скіе. „Новишья (вмѣсто увишья),„ „зна-
мя (вм. знамени если только это ошибка)
это суть мои погрѣшности, за которыя
прошу покорнѣйше извинить — впередъ
не буду! Заключается рецензія съ при-

мѣшнымъ самодовольствіемъ Г. Толкова-
теля тако: „довольно!,, Ad populum pha-
leras!

Естьли бы позволено было оправды-
вать свои глупости подобными же чужими;
то сколько можно выставить цвѣтовъ
легкости, шолковитости и правильности
слога у самаго Г. Библиографа который
такія спорогія учиняетъ крипики! Неу-
годно ли взглянуть: (спр. 94), и даже
цѣлыхъ *лесъ*,, сп. 96. „онъ почерпнулъ
мысли свои изъ познанія двора и лю-
дей, „—, онъ самъ любитъ добродѣтели,
сердце его предано ей — и потому тво-
ренія его могутъ заставить насъ любить
ее.,, (С. 104) „злачныя вѣтви опустили
лавровыя рощи.,, (спр. 115) „преувеличен-
ны *ми* порицаніями. . . . заинтересовать
публику.,, (сп. 121) „слогъ его былъ ошпы-
вистъ, темень и наполненъ *фразами*,,
(сп. 122) „въ ней (т. е. одѣ) не было возвы-
шенныхъ мыслей и вообще она не имѣла
никакой связи. Онъ читалъ ее намъ.,,
(Кого?) (спр. 123),, Помня церемонію воз-
веденія своего на Императорскій пре-

споль, онъ (Наполеонъ) всегда предпочиталъ меня другимъ, часто сообщалъ мнѣ свои мысли и когда въ классахъ не понималъ Латинскихъ Авторевъ, то просилъ — чтобы я ему толковалъ ихъ., Былъ Императоромъ и ходилъ въ классы! — Каково поймушь эту кудреватость? (стр. 124) „однажды переводили мы въ *Светоніи*, „ (Светоніа не провинція и не городъ, но Светоній писатель древняго Рима.) Тамъ же: „Находилъ (Наполеонъ) большое удовольствіе въ умерщвленіи Саксонцевъ., Какъ это, когда былъ еще школьникомъ?— Видно Саксонцевъ изъ картъ.

Не это ли оппѣнки *легкослоговъ* Авторевъ изображенныхъ А. С. III. въ разсужденіи о старомъ и новомъ слоге?

Александръ Корнеліусъ.

Исполняя желаніе Рекритика мы помѣщаемъ въ своемъ журналѣ оправданіе его. Впрочемъ смѣемъ увѣрить: что не принимая ни чьей стороны, не хотимъ заводиль ни съ кѣмъ ссоры. Чпужъ касается до мыслей о Шатобріанѣ; то ска-

жемъ: не одинъ Г. современный Библіографъ такого мнѣнія о немъ и приведемъ сужденіе Французскаго крипика по случаю пародическаго сочиненія: *Saint-Géran ou la nouvelle langue française, anecdote récente; suivie de l'itinéraire de Lutèce au mont Valérien, en suivant le fleuve Séquanien et revenant par le mont des Martyrs; petite parodie d'un grand voyage* (*). Французскій рецензентъ сперва говоритъ вообще о худомъ вкусѣ, раздѣляя его на худой вкусъ *отъ недостатка* (разумѣется генія) и на худой вкусъ *отъ излишества*. Первый почитаетъ онъ не столь вреднымъ: ибо дватцать безвкусныхъ такого рода писателей не могутъ еще помрачить литературной славы цѣлой націи. Но худой вкусъ *отъ излишества* напротивъ очень опасенъ; потому что онъ не несовмѣстенъ съ нѣкоторымъ родомъ Генія и даже истиннаго таланта, и состоить въ худомъ употребленіи хорошихъ качествъ. Особенно же примѣчашеленъ онъ по злоупотребленію того,

(*) Journal de l' Empire. 5 Juin. 1812.

что мы называемъ живость ума. Ослабляя обыкновенныхъ читателей множествомъ тонкихъ и малопонятныхъ чертъ, изумляя ихъ мнимымъ величїемъ образовъ и мыслей, онъ производитъ энтузіастовъ; похищаетъ въ одно мгновеніе успѣхи, которые прекрасная простота получаетъ только отъ времени и размышленія; онъ опасенъ и противъ него-то кришика должна вооружиться всею своею строгостію. . . .

Сей-то худой вкусъ авторъ брошюрки изображаетъ еще лучше въ слѣдующихъ строкахъ и кажется относитъ ихъ къ Шатобріану: „Между писателями, которые кришикуются въ семъ маленькомъ сочиненіи, есть особенно одинъ—для коего шѣмъ болѣе потребна кришика, что онъ по видимому находитъ удовольствіе въ порчѣ языка Французскаго. Было бы несправедливо отрицать въ немъ всякой талантъ; но нелѣпо приписывать ему безпредѣльное удивленіе, выхвалять какъ честь вѣка и націи декламаторскія шутки безъ всякаго основанія (хотя они часно бывають не безъ цѣли), надутыя

выраженія, варварскія словосоединенія, смѣшныя подробности, каррикатурныя изображенія представленные съ намѣреніемъ, съ важнымъ шономъ, — обманывающимъ невнимательныхъ чистателей, кои слова принимаютъ за мысли, а галиматшю за краснорѣчіе Изданія сихъ сочиненій умножились въ короткое время; большая часть журналовъ долго гремѣли хвалу имъ; и партизаны Автора еще болѣе показали ревности, нежели Прадоновы во время Расина. Наконецъ многіе другіе Авторы, ревнуя къ столь легкимъ шоржествамъ, принялись подражать ему; вскорѣ здѣлался онъ начальникомъ школы или лучше сказать секты; ибо его поклонники тотчасъ изрыгаютъ хулу на того, кто только ни осмѣлился замѣтить въ немъ недостатки.“

Кришика сія строга; а справедливали? немогу сказать. Довольно, что я показаль мысли сходныя съ безыманнымъ сочинителемъ (брошюрки); и я поступилъ бы слишкомъ простодушно, есѣли бы сталъ утверждать, что онъ правъ, и пр.“

На другія замѣчанія Г. Рекришика, не читавши его перевода и рецензій Г. Библіографа, сказать ничего не можемъ, кромѣ того: что слогъ Шатобріановъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ болѣе, нежели половину достоинства его сочиненій; и такъ естли бы переводчикъ положилъ на бумагу только мысли Французскаго писателя, — то книга при всей исправности въ такомъ переводѣ имѣла бы не очень большую цѣну во мнѣніи знатоковъ.

Издан. Укр. Вѣст.

Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ.

І. Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Лебшинимъ. Харьков. въ Унив. типогр. 1816. въ 8-ю долю, 206 страницъ.

(Въ предыдущихъ книжкахъ нашего Вѣстника мы говорили уже о сихъ Письмахъ. Теперь остается пожелать, чтобы мнѣніе наше было подтверждено судомъ Публики.)

II. *Правила Харьковскаго Коммерческаго Собранія.* Харьковъ, Въ Университетской типографіи, 1816 въ 8-ю долю, 21 стран.

(Сія книжка есть также знакъ того, что нашъ Харьковъ не отстаеетъ въ способахъ жить хорошо отъ древнѣйшихъ, многочисленнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ.)

Издателямъ.

Въ осьмой книжкѣ Украинскаго Вѣстника читалъ я замѣчаніе Г. Маркова на статью о малой Россіи помѣщенную въ 2 и 3 книжкахъ онаго Вѣстника. Въ своемъ замѣчаніи между прочимъ Г. Марковъ пишетъ: „на какихъ доказательствахъ основано, — что Польское правительство по присоединеніи къ своему единовластію Литвы съ тѣми изъ Россійскихъ Областей, кои отторгнуты отъ Россіи Великимъ Княземъ Литовскимъ Гедиминомъ — Волынскую и Лудскую изъ сихъ Областей съ Подолією и полѣсьемъ причислило къ Малой Польшѣ, а Кіевъ съ его округомъ и другіе го-

рода на правой сторонѣ Днѣпра наименовало Малою Россією на лѣвой же Украиною.“ На сіе отвѣчаю: слѣдовало бы сказать на правой сторонѣ Днѣпра Украиною, а на лѣвой Малою Россією, къ которой Кіевъ съ его Округомъ причисленъ;— при перепискѣ, или при наборкѣ словъ здѣлана таковая ошибка, незнаю. Подобные ошибки и прибавленія усмотрены мною во второй книжкѣ Вѣспника на 146 страницѣ: вмѣсто того, что Великое Княжество Литовское на Люблинскомъ Сеймѣ присоединено къ Польскому Королевству, напечатано: Великое Княжество Литовское участіемъ войны уничтожено. На 148 страницѣ Польская лѣтопись вмѣсто *Коховскаго* названа *Коханскаго*. Въ третей книжкѣ на 307 страницѣ о Юріи Хмѣльницкомъ прибавлено: у коихъ нѣкогда былъ въ плѣну отецъ его. На 309 страницѣ описываемая измѣну онаго Гетмана, что онъ къ новонаселеннымъ (прибавлено: или составленнымъ) полкамъ Слободскимъ Сумскому Ахтырскому и Харьковскому послалъ благоволительное предло-

женіе: нехотѣя ли они приняты его сторону, вмѣсто: присылалъ съ нарочными опъ себя пригласить къ таковой же измѣнѣ. Но сіи новые подданные Россійскаго Монарха не поколебались въ вѣрности Царю, — напечатано: новые полки оказали древнюю вѣрность и преданность Россійскому Царю (*).

Объяснивъ ошибки и прибавленія во описаніи о малой Россіи, удовлетворяю требованію Господина Маркова. На вопросъ же, откуда бралъ я извѣстія, — отвѣчаю: изъ Исторіи *Горецкаго*.

И. К.

(*) Желательно знать, гдѣ сіи полки оказали въ древности вѣрность и преданность Россійскому Царю? Авш. — Отвѣчаемъ: древнюю не значить въ древности, а великую — не нарушимую какая была въ древности. Впрочемъ всѣ поправки и прибавленія были необходимы, какъ самому Г. Сочинителю извѣстно. Издаш.

УКРАИНСКІЙ ДОМОВОДЪ.

Подъ симъ именемъ намѣренъ я съ начала будущаго 1817 года выдавать здѣсь въ Харьковѣ ежемѣсячно по одной книжкѣ въ 4 печатныхъ листа. Въ сихъ книжкахъ будетъ содержаться все что касается разведенія домашнихъ животныхъ, хожденія за ними, предохраненія отъ болѣзней, лѣченія оныхъ у лошадей, ословъ, лошаковъ, рогатаго скота, овецъ, свиней, собакъ, кошекъ, гусей, утокъ и куръ пчель и рыбы, шелковыхъ червей и проч.

Все сіе будетъ состоять изъ слѣдующихъ Отдѣленій:

1.) Должности каждаго хорошаго хозяина вообще, которыми онъ обязанъ къ домашнимъ животнымъ какъ человекъ и какъ членъ общества.

2.) Размноженіе скота а) черезъ приплодъ, б) черезъ покупку; выборъ скотины для приплоду; необходимыя при томъ качества; конскіе заводы; дикія животные, полудикія, ручныя; казенные заводы, частные; предосторожности при покупке скота; наружность лошадей; кож-

деніе за жеребятами до третязго го-
да; необходимость сбереженія копытъ
хожденіе за рогатымъ скотомъ; наруж-
ность быковъ и коровъ; хожденіе за бе-
ременнымъ скотомъ; помощь при рожде-
ніи ему оказываемая; хожденіе за овцами
и особенно Шпанскими, Аглинскими и
другихъ разныхъ породъ; о здоровьи жи-
вотныхъ и о дѣйствіи на нихъ внѣшнихъ
предметовъ вообще.

О конюшняхъ и хлѣвахъ.

О конюшняхъ въ особенности.

О хлѣвахъ для рогатаго скота.

О хлѣвахъ и загонѣ для овецъ.

О хлѣвахъ для свиней.

О псарняхъ.

О кормленіи скота вообще.

О кормѣ въ частности.

О кормѣ для рогатаго скота.

О кормѣ рогатаго скота въ хлѣвахъ.

О порядкѣ кормленія рогатаго скота.

О кормѣ овецъ.

О кормѣ свиней.

О кормѣ собакъ и кошекъ.

О пастбищахъ для скота вообще.

О пастбищахъ въ частности.

- О пастбищахъ и загонахъ для овецъ.
- О пастбищахъ для свиней.
- О водопояхъ для скота.
- О чисткѣ скота и обращеніи съ нимъ.
- О движеніяхъ и работѣ домашняго скота.
- О разведеніи кормовыхъ травъ.
- О употребленіи въ пользу продуктовъ домашняго скота.
- О волосахъ и шерсти, кожахъ, рогахъ, костяхъ, салѣ, молокѣ и навозѣ.
- Искусство готовить различные роды сыра; пригошовленіе масла.
- Предохраненіе домашнихъ животныхъ отъ болѣзней.
- Ковка лошадей; ошибки при томъ бывающія.
- О скотскомъ падежѣ и часто случающихся болѣзняхъ домашняго скота, особенно когда онѣ господствуютъ; сравненіе сихъ болѣзней съ людскими, такъ что и лѣкари незнающіе совсѣмъ скотолѣченія по средствомъ [сего могутъ] прийти въ состояніе давать совѣты и лѣчить.

За симъ также будетъ имѣть мѣсто въ семь Журналѣ верховая ѣзда для

пользы какъ любителей ея, такъ и для
Офицеровъ. Словомъ, здѣсь ничего не бу-
детъ опущено, что только имѣетъ влія-
ніе на сію часть хозяйства и на скопо-
лѣченіе.

Подписная цѣна здѣсь въ Харьковѣ
12 руб. а съ пересылкою во всѣ другіе
города 15.

*Федоръ Пильгерь, Ординарный Про-
фессоръ И. Х. Университета, Кол-
лежскій Совѣтникъ.*

Руской переводъ будетъ производить-
ся подъ смотрѣніемъ Г. Гонорскаго.

Каждый мѣсяцъ будетъ выходить одна книжка; при такихъ книжки составляютъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатають, — естли они соотвѣствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получаютъ сей Журналь благоволять подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержаніе 10 й Книжки.

I. Науки и Искусство.

Стр.

1. Объ Истории - - - -	3
2. О древнемъ Турьемъ рогѣ - - -	28
3. Опрывки Писемъ изъ Малороссіи Левшина -	32

II. Живописная проза.

1. Еще нѣсколько моихъ воспоминаній (Окончаніе) - - - -	52
2. Изображеніе одного предмета тремя знаменитѣйшими писателями - - -	71
3. Дружба (изъ Ласпеда) - - -	75

III. Дѣтское чтеніе.

1. Приключеніе случившееся съ Тюренемъ -	79

IV. Стихотворенія.

1. Цѣшокъ на гробъ друга - - -	86
2. Памяти С. А. Гринева - - -	88
3. Юноша, (подражаніе Клопштокъ) - - -	90
4. Орфей и Евридика (изъ Виргилія) - - -	92
5. Разскажаніе - - -	97
6. Ровдо - - -	99

V. Харьковскія записки.

1. Общество Благотворенія - - -	101
2. Рѣчь п. А. погребеніи и пр. - - -	113
3. Къ Издателямъ - - -	124

VI. Смѣсь.

1. Письмо къ Издателямъ и рекритика - -	127
2. Библиографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ -	127
3. Издателямъ - - -	138
О новомъ Журналѣ	